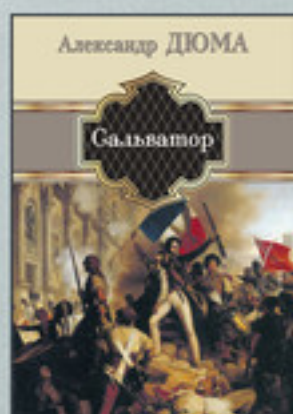

Александр Дюма

Сальватор. Книга III

*Часть сборника
Сальватор*

Александр Дюма Сальватор. Книга III

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6452609
Сальватор: РИМИС; М.: 2014
ISBN 978-5-906122-07-0*

Аннотация

Вниманию читателя, возможно, уже знакомого с героями и событиями романа «Могикане Парижа», предлагается продолжение – роман «Сальватор». В этой книге Дюма ярко и мастерски, в жанре «физиологического очерка», рисует портрет политической жизни Франции 1827 года. Король бессилён и равнодушен. Министры цепляются за власть. Полиция повсюду засылает своих провокаторов, затевает уголовные процессы против политических противников режима. Все эти события происходили на глазах Дюма в 1827—1830 годах. Впоследствии в своих «Мемуарах» он писал: «Я видел тех, которые совершали революцию 1830 года, и они видели меня в своих рядах... Люди, совершившие революцию 1830 года, олицетворяли собой пылкую юность героического пролетариата; они не только разжигали пожар, но и тушили пламя своей кровью».

Содержание

Глава LXXI	5
Глава LXXII	10
Глава LXXII	17
Глава LXXIV	23
Глава LXXV	27
Глава LXXVI	32
Глава LXXVII	35
Глава LXXVIII	40
Глава LXXIX	45
Глава LXXX	50
Глава LXXXI	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Александр Дюма Сальватор. Книга III

Глава LXXI

Улица Ульм

Апартаменты госпожи де Моранд, как мы уже знаем, находились на втором этаже главного жилого здания, составляющего правое крыло особняка, стоявшего на улице Лаффит, как она теперь называется, или Артуа, как ее называли раньше. Именно там мы и оставим Жана Робера и госпожу де Моранд под предлогом, который даже самому придирчивому из наших читателей не может показаться дурным. Итак, дверь апартаментов госпожи де Моранд была тщательно заперта на два оборота ключа, отделив нас от этих влюбленных.

Кстати, что бы нам было делать в комнате этой обожаемой госпожи де Моранд, которую мы любим всей душой? Ведь эту комнату мы очень хорошо знаем.

А посему давайте проследуем в менее аристократический квартал, в который сейчас направляется полный мечтаний, этот полностью закрытый для лучей любви поэт, известный нам под именем Людовик.

Он пришел на улицу Ульм.

Если бы кто-нибудь спросил у Людовика, как он сюда пришел и по каким улицам прошел, то этим своим вопросом он очень смутил бы нашего Людовика.

Сквозь небрежно закрытые ставни окон первого этажа квартиры, в которой проживали Броканта, Баболен, Фарес, Бабилас и его приятели, Людовик увидел свет. Свет этот становился то более, а то менее ярким, что свидетельствовало о том, что лампы переносили из одной комнаты в другую.

Людовик приблизился к окну и приложил глаз к знакомому отверстию в ставне. Но, несмотря на то что окно было приоткрыто, положение обитателей комнаты не позволило Людовику ничего увидеть.

Но он понял, что Рождественская Роза еще не поднялась в свою комнатку на антресолях. Ничто не указывало на присутствие там девочки: ни слабо горевший ночник, ни горшок с цветком, носящим ее имя, который она ставила на окно, возвращаясь к себе, поскольку Людовик строжайше запретил, чтобы в комнате во время ее сна находились какие бы то ни было цветы или растения.

Итак, не имея возможности ничего видеть, Людовик стал слушать.

Улица Ульм, бывшая даже днем такой же тихой, как улочка какого-нибудь провинциального городка, в этот час была безлюдной, как большая дорога. Поэтому, если слегка напрячь слух, можно было услышать почти весь разговор обитателей первого этажа.

– Да что с тобой, дорогой мой? – спросила Броканта.

Этот вопрос был, очевидно, продолжением разговора, начатого до прихода Людовика.

Ответом на этот вопрос было молчание.

– Ведь я же у тебя спрашиваю, что с тобой, мое сокровище! – повторила колдунья более обеспокоено.

Несмотря на изменение интонации вопроса, последовало все то же молчание.

– О! О! Дорогое создание и сокровище, к которому ты обращаешься, мамаша Броканта, этот проказник и недоучка тебе и не ответит, – подумал Людовик, полагая, что она обращалась, вероятно, к этому шалунишке Баболену, который капризничал или прикидывался больным.

Броканта продолжала задавать вопросы, по-прежнему не получая на них никакого ответа. Но было заметно, что голос ее из нежного постепенно перерастал в угрожающий.

– Если ты не ответишь, мсье Бабилас, – произнесла наконец цыганка, – обещаю тебе, мой милый, что я задам тебе хорошенькую трепку. Ты слышишь?

Лицо, или вернее животное, к которому были обращены все эти вопросы, которые мы услышали, видно решило, что дальнейшее молчание становится опасным для его шкуры, и ответило рычанием, продолжавшимся нескончаемо долго и перешедшим в жалобное скуление.

– Да что с тобой, мой бедный Бабилас? – вскричала Броканта таким тоном, в котором можно было уловить определенное сходство со скулением ее любимого пса.

Бабилас, который, казалось, отлично понял новый вопрос, ответил еще одним тьяканием, на сей раз более понятным, чем первое, поскольку Броканта воскликнула с неподдельным удивлением:

– Да возможно ли это, Бабилас?

– Да, – ответил пес на своем языке.

– Баболен! – закричала Броканта. – Баболен! Где же ты, маленький негодник?!

– Что случилось? Что надо? – спросил спросонья задремавший уже было Баболен.

– Подай карты, болван!

– Ох-ох-ох! Карты в такой-то час? Ну и ну, только этого мне еще не доставало!

– Подай карты, кому говорю!

Но Баболен ответил на это ворчанием, которое указывало на то, что родной язык Баби-ласа был ему явно знаком.

– Не заставляй же меня повторять дважды, нехороший мальчишка! – сказала старуха.

– Да зачем вам вдруг понадобились карты в такое время? – сказал мальчуган тоном человека, начинающего убеждать в бесполезности всех попыток образумить собеседника. – Ну, принесу я вам ваши карты! А если полиция узнает о том, что вы гадаете на картах в такое время? Ведь уже два часа ночи...

– О, господи, – раздался нежный голосок Рождественской Розы, – неужели сейчас и вправду уже два часа ночи?

– Да что ты, девочка, еще только около полуночи, – сказала Броканта.

– Ну, да, полночь, – сказал Баболен, – скажете тоже!

Тут, как бы для того, чтобы прекратить спор, часы ударили один раз.

– Ага! Слышали? Час ночи! – воскликнул Баболен.

– Нет, половина первого, – возразила Броканта, желая оставить последнее слово за собой.

– Ну, да, конечно, половина первого! Кто это вам сказал? Ваша чертова кукушка, которая умеет бить только одним крылом? Все, мамаша, спокойной ночи! И будьте любезны дать бедному Баболену спокойно поспать.

При этих словах мальчугана Броканта вскричала:

– Подожди же, сейчас я тебе дам поспать!

Баболен, безусловно, прекрасно понял, каким именно образом Броканта собиралась дать ему вздремнуть, а скорее поднять его на ноги. И он спрыгнул с кровати на пол и подскочил к плетке, к которой уже протянула руку Броканта.

– Я просила тебя подать мне не плетку, а карты, – сказала ему Броканта.

– Да вот ваши карты, – ответил Баболен, пододвигая к ней колоду и пряча плетку за спиной.

А затем в качестве комментария добавил:

– И как только может женщина в вашем возрасте заниматься подобными глупостями вместо того, чтобы лечь и спокойно заснуть!

– А как можно быть таким невежей в твоём возрасте! – спросила Броканта, пожимая плечами с явным презрением. – Ты, значит, ничего не видишь, ничего не слышишь и ничего не замечаешь?

– Вовсе нет! Я все вижу, все слышу, все замечаю. Вижу, что сейчас уже час ночи, слышу, как весь Париж храпит, и *замечу вам*, что теперь самая что ни на есть пора последовать примеру парижан.

Замечу вам, возможно, звучит несколько необычно для языка, но не надо забывать, что Баболен не получил блестящего образования.

– Что ж, шути, шути, несчастный! – воскликнула Броканта, выхватывая у него из рук свои карты.

– Но, господь с вами, мама, что я должен по-вашему заметить? – сказал Баболен, долго и протяжно зевая.

– Ты разве не слышал, что сказал Бабилас?

– Ах да, ваш любимчик... Не хватало еще, чтобы я был вынужден прислушиваться к тому, что соизволит сказать этот господин!

– Повторяю, ты не слышал, что он сказал?

– Ну, хорошо, слышал.

– Так что именно он сделал?

– Он пожаловался.

– И ты не сделал никакого вывода из его жалобы?

– Сделал.

– Слава богу! И какой же ты сделал вывод? Ну, говори!

– Если скажу, вы дадите мне поспать?

– Да, лентяй!

– Так вот, я сделал вывод, что у него несварение желудка. Сегодня вечером он поел за четверых и поэтому имеет полное право поскулить за двоих.

– Ладно, – сказала Броканта со злостью, – иди ложись спать, скверный мальчишка! Так ты дураком и помрешь, это я тебе предсказываю!

– Ну-ну, мамаша, успокойтесь. Вы же сами знаете, что ваши предсказания не являются словами из Евангелия. Раз уж вы меня разбудили, объясните мне, что означает рычание Бабиласа.

– Нам грозит несчастье, Баболен.

– Ах ты!

– Большое несчастье: Бабилас без причины скулить не станет.

– Я понимаю, Броканта, что Бабилас, у которого здесь все есть и который как сыр в масле катается, не станет скулить по поводу прусского короля. Но что же он предчувствует и что хочет сказать своим скулением? Ну-ка, Бабилас, скажи, почему ты скулишь?

– Вот это мы сейчас и увидим, – сказала Броканта, начав мешать карты. – Иди-ка сюда, Фарес!

Фарес на призыв никак не отреагировала.

Броканта снова позвала ворону, но та не сдвинулась с места.

– Черт побери! В этом нет ничего удивительного, – сказал Баболен. – Ведь уже поздно, и бедная птица спит. И она права. Я лично ее за это осуждать не могу.

– Роза, – произнесла Броканта.

– Да, мама, – ответила девочка, которую во второй раз оторвали от чтения.

– Отложи книгу, малышка, и позови Фарес.

– Фарес! Фарес! – пропела девочка своим удивительно нежным голосом, который отозвался в сердце Людовика трелью соловья.

Ворона тут же вылезла из-под своего колпака, сделала пять-шесть кругов под потолком и уселась на плечо девушки точно так же, как она сделала это, когда мы в первый раз описали читателям жилище Броканты.

– Но что с вами, мама? – спросила девочка. – Вы выглядите очень взволнованной!

– У меня тяжелые предчувствия, моя маленькая Роза, – ответила Броканта, – посмотри, как обеспокоен Бабилас, взгляни, как испугана Фарес. Если еще и карты покажут что-нибудь нехорошее, нам надо будет быть готовыми ко всему на свете.

– Вы пугаете меня, мама! – сказала Рождественская Роза.

– Да что же это она делает, старая колдунья? – прошептал Людовик. – Зачем так пугать бедную девочку? Черт возьми, ведь она этим кормится, и поэтому уж кто-кто, а она-то прекрасно знает, что гадание на картах – это самое настоящее шарлатанство. Так и хочется задуть ее вместе с вороной и собаками.

Карты легли плохо.

– Приготовимся же к самому худшему, Роза! – горестно произнесла колдунья, которая вопреки словам Людовика к своей профессии относилась совершенно серьезно.

– Но, милая мама, – сказала Роза, – если Провидению угодно предупредить вас о том, что с нами может случиться несчастье, оно должно подсказать вам одновременно и как его можно предотвратить.

– Милое дитя! – пробормотал Людовик.

– Нет, – ответила Броканта. – Нет, и в этом-то вся моя беда: я вижу зло, но не знаю, как его избежать.

– Отличное предсказание! – сказал Баболен.

– О, господи! господи! – прошептала Броканта, подняв глаза к небу.

– Милая мама! Милая мама! – произнесла Роза. – Может быть, ничего и не случится. Не стоит так тревожиться заранее! Сами подумайте, ну какое с нами может приключиться несчастье? Мы ведь никому не причинили зла! Мы никогда не были так счастливы. Нас опекает мсье Сальватор... Я люблю...

Она остановилась, едва не произнеся слова: «Я люблю Людовика!» Это казалось ей вершиной человеческого счастья.

– Что же ты любишь? – спросила Броканта.

– О! Так что ты любишь? – подхватил Баболен.

И вполголоса добавил:

– Слушай, Розетта, Броканта думает, что ты любишь сахар, мелассу или изюм! О, до чего же мила Броканта, наша славная Броканта!

И Баболен принялся напевать на известный мотив следующие слова:

Предмет нашей любви, это всем уже известно,
Господин Лю, лю, лю,
Господин До, до, до.
Господин Лю,
Господин До,
Господин Людовик, ой, как интересно...

Но Рождественская Роза бросила на несносного мальчишку такой кроткий взгляд, что тот разом умолк и сказал:

– Хорошо, хорошо, ты его не любишь! Довольна ли ты теперь? Сделай довольное личико, моя милая сестричка!. Послушай-ка, Броканта, мне кажется, что сочинять стишки, как это делает мсье Жан Робер, довольно просто: видишь, я срифмовал их не задумываясь... Ну, решено, я стану поэтом.

Но все слова, которые произнесли Рождественская Роза и Баболен, не смогли вывести Броканту из задумчивости.

И она снова произнесла мрачным голосом:

– Иди к себе, милое дитя. И ты, лодырь, тоже ложись-ка спать! – добавила она, повернувшись к Баболену, зевавшему с таким наслаждением, что можно было опасаться за сохранность его рта. – А я пока поразмышляю и попробую найти способ отвести беду. Иди ложись спать, дитя мое.

– Ах! – вздохнул с облегчением Людовик. – Впервые за целый час ты произнесла что-то разумное, старая ведьма!

Рождественская Роза поднялась в свою комнатку на антресолях. Баболен снова улегся на свою кровать. А Броканта, вероятно, для того, чтобы лучше думалось, закрыла окно.

Глава LXXII

Поль и Виржиния

Тогда Людовик перешел на противоположную сторону улицы и прислонился спиной к стене. Оттуда он мог видеть окна комнатки Рождественской Розы. За маленькими белыми шторами в комнате горел свет.

С того самого момента, когда любовь с таким запозданием зародилась в сердце Людовика, он все дни и все ночи напролет думал о Рождественской Розе. А часть ночей он проводил под окнами этой девочки. Точно так же, как и Петрюс прогуливался перед воротами дома своей Регины.

Стояла прекрасная летняя ночь. Воздух был таким же чистым и прозрачным, как тот, что льется с небес Неаполя на залив Байя. В отсутствие луны землю освещали звезды своим живым и одновременно нежным светом. Казалось, дело происходило в одной из тех тропических стран, где, по словам Шатобриана, темнота – это не наступление ночи, а конец дня.

Людовик, не сводя глаз с окон комнаты Рождественской Розы, с сердцем, исполненным самых нежных, чувств, предвкушал неопишемую красоту этой ночи.

Он не говорил Розе, что придет, не назначил свидание этой дорогой сердцу девочке, но, поскольку она прекрасно знала о том, что редкую ночь молодой человек не был между полночью и часом перед ее домом, он надеялся на то, что девушка, как только она поднимется в свою комнатку, откроет окно. В подтверждение его надежд слабый свет в ее окнах вскоре погас: Рождественская Роза поставила свечу в маленький закуток. Затем окно бесшумно открылось. Ставя на подоконник горшок с цветком, Рождественская Роза посмотрела на улицу.

Глаза ее, еще не привыкшие к темноте, не сразу различили Людовика, стоявшего в тени, отбрасываемой домом напротив.

Но Людовик прекрасно видел ее и позвал голосом, от которого вздрогнуло сердечко девочки.

– Роза!

– Людовик! – ответила Роза.

Да и кто другой, кроме Людовика, мог позвать Розу таким нежным голосом, напоминавшим вздох ночи?

Людовик одним прыжком оказался на другой стороне улицы.

Перед домом Броканты был вкопан в землю высокий бордюрный камень, один из тех, что сегодня мы можем увидеть только на углах старых домов Марэ. Людовик не взобрался, а взлетел на вершину этого камня. Оттуда, вытянув вверх руку, он дотянулся до рук Рождественской Розы и нежно их сжал. Он держал ее ладони в своей руке и сжимал их долго, только произнося шепотом два слова:

– Роза! Дорогая Роза!

А Роза не имела сил даже прошептать имя молодого человека. Она просто смотрела на него, и грудь ее, прерывисто вздымаясь, дышала жизнью и счастьем.

Да и надо ли было произносить ненужные слова этим двум детям, достаточно понятливым, чтобы все и так чувствовать, достаточно неопытным, чтобы все это выразить? Сердца их как бы нежно сблизились. И голоса вряд ли могли добавить хотя бы слово к той симфонии, которая лилась из их глаз.

И Людовик продолжал поэтому держать в своих ладонях ладони Розы, а Роза и не думала их вынимать.

Он глядел на нее с тем нежным восхищением, которое охватывает ребенка или слепца, впервые увидевших свет.

Наконец, он прервал продолжительное молчание словами:

– О, Роза! Дорогая Роза!

– Друг мой, – ответила Роза.

Но каким тоном произнесла она слово *друг?! С* какой восхитительной интонацией! Этого мы никак не можем вам передать. Но скажем, что этого одного слова хватило, чтобы заставить Людовика задрожать от счастья.

– О, да! Я ваш друг, Роза! Самый нежный, самый преданный и полный самого глубокого почтения!.. Я твой друг, твой брат, нежная моя сестра!

Произнося эти слова, он услышал звук чьих-то шагов. Несмотря на то, что тот, кто приближался, старался ступать как можно тише, его шаги на этой пустынной улице звучали, словно сапоги военного на камнях собора.

– Кто-то идет! – сказал он.

И спрыгнул с бордюрного камня.

Затем он стремительно перебежал улицу и скрылся за углом дома, стоявшего на пересечении улиц Ульм и Почтовой.

И тут заметил вдалеке две тени.

А Рождественская Роза, закрыв окно, осталась стоять за шторой.

Тени приблизились: это были два неизвестных мужчины, которые явно искали какой-то дом.

Дойдя до дома Броканты, они остановились и принялись осматривать первый этаж, антресоли, затем бордюрный камень, на котором несколько минут тому назад стоял Людовик.

– Что нужно этим людям? – подумал Людовик, перейдя на другую сторону улицы и стараясь вдоль стены приблизиться как можно ближе.

Ступал он так тихо и прятался так умело, что незнакомцы его не заметили. И тут он услышал, как один из них сказал второму:

– Это здесь.

– А? Что все это может значить? – подумал Людовик, открывая свою сумку и доставая оттуда самый острый из своих скальпелей для того, чтобы на всякий случай иметь хотя бы какое-то оружие.

Но двое незнакомцев, казалось, уже увидели все, что их интересовало, и сказали друг другу все, что должны были сказать. Ибо они развернулись и, перейдя улицу по диагонали, свернули на Почтовую.

– О! – прошептал Людовик. – Неужели Рождественской Розе и вправду, как предчувствует Броканта, угрожает какая-то опасность?

Как мы уже сказали, Роза закрыла окно комнаты, но, и об этом мы уже говорили, осталась за занавеской у окна. Через стекло она смогла увидеть, как двое незнакомых ей людей удалялись по Почтовой улице.

Когда они скрылись из виду, она снова открыла окно и высунулась наружу.

Людовик снова взобрался на бордюрный камень и взял в руки ладошки девушки.

– Кто это был, друг мой? – спросила она.

– Не знаю, милая Розетта, – ответил Людовик. – Думаю, что два запоздалых прохожих, возвращающихся домой.

– Я так испугалась, – сказала Роза.

– Я тоже, – прошептал Людовик.

– И ты испугался? – произнесла девушка. – Ты! Испугался? Я-то могла испугаться, потому что меня напугала Броканта...

Людовик кивнул, что означало: «Черт побери! Мне это прекрасно известно!»

– Должна тебе сказать, милый друг, – продолжала Роза, – что я была занята чтением той книги, которую ты мне дал. Ну, ты знаешь, *«Поль и Виржиния»*. О, в ней все так прекрасно! Так красиво, что я и не думала идти спать.

– Милая Розочка!

– Да, так и есть. К тому же я знала, что ты придешь. Вот поэтому и не шла к себе... Да, к чему это я?

– Ты сказала, дитя мое, что Броканта очень тебя напугала.

– Ах, да! Именно так! Но теперь ты здесь, и мне больше не страшно.

– Еще ты сказала, что книга *«Поль и Виржиния»* так тебя увлекла, что ты и не собиралась ложиться спать.

– Да. Представляешь, мне казалось, что я вижу сон и что этот сон о том периоде моей жизни, про который я забыла. Скажи-ка, Людовик, ты так много знаешь: правда ли то, что я уже жила до того, как появиться на свет?

– О! Бедное дитя! Ты своими красивыми пальчиками прикоснулась к самой великой тайне, которую пытаются познать люди на протяжении шести тысяч лет.

– Значит, ты ничего про это не знаешь? – грустно спросила Роза.

– Увы, нет! Но почему ты думаешь над этим вопросом, Розетта?

– Сейчас объясню: читая описание края, где жили Поль и Виржиния, этих огромных лесов, холодных водопадов, прозрачных ручьев, лазурного неба, я подумала, что в моей первой жизни, про которую я вспомнила только когда начала читать книгу *«Поль и Виржиния»*, я уже жила в таком же краю, как они. И видела уже деревья с широкими листьями, фрукты, такие же огромные, как моя голова, золотое солнце, море небесного цвета. Однако же я, к примеру, никогда в жизни не видела моря. И все же, когда я закрываю глаза, мне кажется, что я лежу в гамаке Поля, что такая же черная женщина, как Доминго, качает меня и поет мне песню... О боже! Мне кажется, что вот-вот я вспомню слова этой песни. Постой, постой!..

Рождественская Роза закрыла глаза и сделала усилие, чтобы порыться в глубинах памяти.

Но Людовик с улыбкой пожал ее ладонь.

– Не утомляйся, милая сестричка, – сказал он. – Это бессмысленно. Ты ведь сама говоришь, что это – сон. И ты не сможешь вспомнить, дитя мое, о том, чего ты не видела и не слышала.

– Возможно, что это и сон, – грустно произнесла Рождественская Роза. – Но в любом случае, друг мой, я видела во сне очень красивую страну.

И она погрузилась в сладостную и глубокую задумчивость.

Людовик не стал мешать ей мечтать: в темноте ночи он увидел, как над его головой светилась ее улыбка.

Но потом ему показалось, что эта ее задумчивость слишком затянулась. И он спросил:

– Итак, бедное дитя, ты сказала, что Броканта очень тебя испугала?

– Да, – прошептала Роза, кивнув, хотя она и не расслышала полностью то, о чем только что спросил Людовик.

А тот прочел мысли девочки, словно раскрытую книгу.

Она мечтала о прекрасной стране в тропиках.

– Броканта дура, – снова произнес Людовик. – И я эту дуру отругаю лично.

– Вы? – удивленно спросила Рождественская Роза.

– Или попрошу об этом Сальватора, – снова произнес молодой человек, слегка смутившись. – Ведь Сальватор может говорить в вашем доме все, что хочет, не так ли?

Этот вопрос окончательно вывел девочку из задумчивости.

– Да, он волен говорить все, что угодно, друг мой, – сказала она. – Он у нас в доме царь и бог. Все, что мы имеем, принадлежит ему.

– Все?

– Да, все. Вещи и люди.

– Надеюсь, Рождественская Роза, вы не входите в число этих вещей и людей? – спросил Людовик.

– Простите меня, друг мой, – ответила девочка.

– Как! – со смехом произнес Людовик. – И ты принадлежишь Сальватору, моя маленькая Роза?

– Конечно.

– В каком же качестве?

– Разве мы не принадлежим людям, которых мы любим?

– Вы любите Сальватора?

– Больше, чем всех других.

– Вы!.. – вскричал Людовик с удивлением, которое выразилось вздохом.

Потому что слово *любить*, слетевшее с губ девушки и относившееся к другому, больно ранило сердце Людовика.

– Значит, вы любите Сальватора больше всех на свете? – повторил он, видя, что Рождественская Роза не отвечает.

– Больше, чем всех других! – повторила девочка.

– Роза! – грустно произнес Людовик.

– Что случилось, друг мой?

– И ты еще спрашиваешь меня, что случилось, Роза?.. – воскликнул молодой человек, готовый зарыдать.

– Спрашиваю.

– Значит, ты ничего не понимаешь?

– Честно говоря, нет.

– Не вы ли только что сами сказали мне, Роза, что любите Сальватора больше всех на свете?

– Да, я сказала это. И могу еще раз повторить. Но почему это вас так огорчило?

– Любить его больше всех на свете означает любить меня меньше, чем его. Ведь так, Роза?

– Вас! Меньше, чем его!.. Тебя! Да что это ты такое говоришь, мой Людовик?.. Сальватора я люблю как брата, как отца... А тебя...

– А меня, Роза?.. – продолжил молодой человек, дрожа от удовольствия.

– А вас, друг мой, я люблю... как...

– Как?.. Ну же, Роза, как ты меня любишь?

– Как...

– Говори же!

– Как Виржиния любила Поля.

Людовик вскричал от радости.

– О! Милое дитя! Еще! Еще! Скажи мне, какая разница между любовью, которую ты испытываешь ко мне, и любовью, которую ты питаешь к другим людям! Скажи мне, что бы ты сделала для Сальватора! Скажи, на что бы ты пошла ради меня!

– Ладно, слушайте, Людовик: если бы, к примеру, умер мсье Сальватор, я была бы очень опечалена! Я была бы несчастна! Я никогда бы не смогла утешиться! Но если бы умерли вы... Если бы умер ты, – повторила девушка страстно, – я умерла бы вместе с тобой!

– Роза! Роза! Дорогая моя Роза! – вскричал Людовик.

Поднявшись на цыпочки, он притянул к себе ладони девушки и, когда они оказались на одном уровне с его губами, нежно поцеловал их.

Начиная с этой минуты, молодые люди стали обмениваться, нет, не словами, не звуками, а чистыми чувствами и пленительным волнением. Сердца их бились в унисон, дыхание слилось в одно.

Если бы кто увидел их в этот момент и заметил их сцепленные руки, он унес бы с этой улицы частичку их любви. Как уносят цветок из букета, как арию с концерта.

Не было ничего восхитительнее этого слияния двух чистых и непорочных душ, двух их целомудренных сердец, которые ждали от любви только таинственного очарования, только поэтического восторга. Это зрелище было самым сладостным из тех, которые были написаны пером или кистью со времен влюбленной Евы в райском саду до Миньоны Гёте. И эта Ева родилась на задворках цивилизации, не в Эдеме на горе Арарат, а в садах богемы.

Который уже был час? Бедные дети не смогли бы ответить на этот вопрос. Минуты проходили в такой нежности, что ни он, ни она не замечали в своем упоении биений крыльев времени.

И напрасно часы на колокольнях церквей Валь-де-Грас, Сен Жак-дю-О-Па и Сент-Этьен-дю-Мон со всей силы пробивали четверти часа, полчаса, полные часы: молодые люди не слышали боя их молотков. Даже если бы на улице ударил гром, они, конечно же, обратили бы на это не больше внимания, чем на падающие с неба звезды.

И все же Людовик вздрогнул от одного тихого звука, так не похожего на бой часов.

Рождественская Роза кашлянула.

На лбу молодого человека выступил холодный пот.

О! Он узнал этот кашель: именно против него бился молодой врач и с таким трудом победил его.

– Прости меня, Роза! Дорогая моя Роза! – воскликнул он.

– Простить за что? В чем вы передо мной провинились, друг мой? – спросила она.

– Ты замерзла, дорогое дитя.

– Я замерзла? – удивленно переспросила девочка, которую удивила и одновременно тронула эта забота Людовика.

Бедняжка не привыкла ни от кого, кроме Сальватора, слышать слова такой заботы о ее здоровье.

– Да, Роза, ты замерзла, ты кашляешь. Уже поздно, ты должна поспать, Роза.

– Поспать? – переспросила она.

И произнесла это слово таким тоном, словно хотела сказать: «А я-то думала, что мы останемся здесь навсегда».

Людовик ответил не на слово, а на мысль девушки.

– Нет, дорогая Роза, – сказал он, – это невозможно. Ты должна поспать. И это я говорю тебе уже не как твой друг, а как твой лечащий врач.

– Тогда прощайте, нехороший врач! – грустно произнесла она.

А затем добавила с нежной улыбкой:

– До свидания, дорогой мой друг!

И, произнеся это, она так низко наклонилась над подоконником, что локоны ее волос упали на лицо молодому человеку.

– О, Роза!.. Роза! – прошептал тот с любовью в голосе.

Затем, прижавшись к носу, он поднял вверх голову и выпрямился во весь рост так, что губы его оказались на уровне белого лба девушки.

– Я люблю тебя, Роза! – сказал он тихо и поцеловал этот чистый лоб.

– Я люблю тебя! – повторила девушка в ответ на поцелуй своего возлюбленного.

Затем она скрылась в окне, спрятавшись в свою клетку так стремительно, что можно было подумать, что она испарилась.

Людовик спрыгнул с бордюрного камня на землю. Но он успел отступить всего на три шага, поскольку, пятясь назад, он ни на секунду не сводил глаз с окна и дождался того, чего хотел: это окно снова распахнулось.

– Людовик! – раздался нежный голосок Рождественской Розы.

Молодой человек устремился вперед и снова оказался, сам не понимая каким образом, на вершине бордюрного камня.

– Роза, – спросил он, – у тебя что-то болит?

– Нет, – ответила девушка, отрицательно замотав головой, – дело в том, что я вспомнила.

– Что! Ты вспомнила? И о чем же?

– О том, как я жила в прошлой моей жизни, – ответила она.

– Бог мой! – сказал Людовик. – Не сошла ли ты сума?

– Нет. Знаешь, я вспомнила, как я жила в той прекрасной стране, когда была совсем ребенком и, как Виржиния, лежала в гамаке, а в это время моя кормилица, добрая негритянка по имени... постой! О! У нее было такое странное имя!.. Ее звали... Даная!.. Так вот, я вспомнила ту песню, которую пела мне эта добрая негритянка по имени Даная, качая меня в гамаке.

И Рождественская Роза запела на мотив колыбельной, делая усилие, чтобы вспомнить первые слова, которые с трудом, но все-таки всплывали в ее памяти:

Баю-бай, спи дитя, закрывай же глазки,
Мамочка тебе споет и расскажет сказки...

Людовик посмотрел на Рождественскую Розу с огромным удивлением.

– Подожди, подожди, – продолжила девушка.

А корабль, что там плывет, дитятку родному
Много рыбок привезет и подарков много...

– Роза! Роза! – вскричал Людовик. – Поверь, ты меня пугаешь!

– Подожди, подожди! – сказала Роза. – А ребенок ей отвечает:

Эта песенка плохая, не хочу я спать.
Я хочу плясать...

Мать

Ты шалишь опять!
Лучше замолчи, не серди меня.
Глазки закрывай, слушай плеск ручья...

– Роза! Роза!

– Подожди же, это еще не всё. А ребенок отвечает опять:

Эта песенка плохая, не хочу я спать,
Я хочу плясать...

Мать

Ты шалишь опять!
Лучше замолчи, не серди меня.
Глазки закрывай, слушай плеск ручья...
Прячь скорей в цветы руки с головой.
Где-то там вдали рыщет хищник злой,
Шалунов не спящих слышит голоса.
Этот зверь уносит их в темные леса.
Ты, мое сокровище, не серди меня.
Закрывай же глазки, слушай плеск ручья.

Ребенок

Мама, спать хочу я, ты не уходи,
Не хочу плясать...

Мать

Ну, тогда усни.
Скоро станешь взрослым, спи, дитяtko, спи!..

Роза замолчала.

Людовик, тяжело дыша, ждал, что будет дальше.

– Это все, – сказала девочка.

– Закрывай окно, ложись скорее спать, – оказал Людовик, – мы поговорим обо всем этом потом. Да, да, ты вспомнила это, дорогая моя Роза. Да, как ты недавно и говорила, мы уже жили до того, как увидеть свет.

И Людовик спрыгнул с камня.

– Я люблю тебя! – сказала Роза, закрывая окно.

– Я люблю тебя! – ответил ей Людовик так поспешно, словно старался, чтобы эти три нежных слова успели влететь в закрывающееся окно. – О! – сказал он себе, когда окно закрылось. – Странное дело! Ведь она спела мне креольскую песенку. Откуда же взялось это бедное дитя? Где она жила до того, как ее нашла Броканта?.. Завтра же поговорю об этом с Сальватором... Или я сильно ошибаюсь, или Сальватор знает о Рождественской Розе много больше того, что говорит.

В этот момент он услышал, как часы пробили три раза, и осознал по разливавшемуся на востоке белому свету, что скоро должен был наступить рассвет.

– Спи спокойно, дорогое дитя, – сказал Людовик.

– До завтра!

И то ли потому, что Рождественская Роза слышала его, то ли потому, что эти слова эхом отозвались в ее сердце, но окно снова приоткрылось и девочка сказала Людовику:

– До завтра!

Глава LXXII

Бульвар Инвалидов

Сцена, которая в то же самое время разворачивалась на бульваре Инвалидов перед особняком Ламот-Уданов, хотя по содержанию и была похожа на две сцены, которые мы только что описали, очень отличалась от них по форме.

Любовь Рождественской Розы напоминала бутон.

Любовь Регины походила на раскрывшийся венчик.

Любовь госпожи де Моранд представляла собой распутившийся цветок.

Какой момент в любви является самым восхитительным? всю мою жизнь я искал разгадку, но так и не смог ее найти. Когда любовь наиболее пленительна? В тот ли час, когда она только зарождается? А может, в тот момент, когда она, представляя собой вкусный и сочный плод, одевает себя в золотое платье зрелости?

В какой момент лучи солнца наиболее прекрасны? На рассвете? В полдень? В час, когда светило, клонясь к закату, окунает край своего пурпурного диска в теплые воды моря?

О! Пусть на этот вопрос ответит кто-нибудь другой, пусть этот, другой, выскажет свое мнение, пусть решит это сам. Мы же боимся ошибиться в ответе на столь сложный вопрос.

И поэтому мы не можем сказать, кто был более счастлив: Жан Робер, Людовик или Петрюс. И кто больше наслаждался радостями любви: госпожа де Моранд, Рождественская Роза или Регина.

Но тем, кто захочет сравнить, скажем, в нескольких фразах, какими словами, какими взглядами, какими пьянящими улыбками эти двое любовников, или скорее эти двое влюбленных... – подскажите же мне нужное слово, дорогие читатели, подскажите мне это слово, дорогие читательницы, для того, чтобы я смог точнее и красочнее выразить свою мысль. Влюбленные? Нет: *любовники!* – Так вот, слушайте, какими словами, какими взглядами, какими пьянящими улыбками обменивались эти *любовники* в эту светлую и очаровательную ночь.

Петрюс был у решетки особняка ровно в половине первого ночи.

Пройдя семь или восемь раз взад-вперед по бульвару Инвалидов для того, чтобы убедиться в том, что никто за ним не наблюдает, он устроился в уголке, образованном выступом стены, в которую была вделана решетка ограды.

Так он простоял минут десять, грустно глядя на закрытые жалюзи, через которые не просачивался ни один луч света. Он уже начал дрожать при мысли о том, что Регина не сможет прийти на свидание, но тут услышал приглушенное «*хм! хм!*», говорившее ему о том, что с той стороны ограды был еще кто-то.

Петрюс ответил на эти звуки точно таким же «*хм! хм!*».

И, словно бы эти два звука обладали магической силой слова сезам, тут же открылась маленькая дверца, находившаяся в десяти шагах от главных ворот. И открылась так таинственно: не было видно руки, которая ее открыла.

А тем временем Петрюс уже прошел вдоль стены и приблизился к калитке.

– Это вы, добрая Нанон? – тихо спросил Петрюс, глазами влюбленного различив во мраке подступающей к самой калитке темной липовой аллее старушку, которую любой другой принял бы за призрак.

– Да, я, – ответила так же тихо Нанон, эта старая славная кормилица Регины.

О, кормилицы! Все они одинаковы! Начиная с кормилицы Федры до кормилицы Джульетты, начиная с кормилицы Джульетты до кормилицы Регины!

– А где принцесса? – спросил Петрюс.

- Она здесь.
- Она ждет нас?
- Да.
- Но ведь ни в окне ее комнаты, ни в окне оранжереи нет света.
- Она находится на поляне сада.
- Но нет, ее там уже не было: она показалась, как белое видение, в конце аллеи.
- Петрюс устремился ей навстречу.
- Оба произнесли разом два слова.
- Дорогая Регина!
- Дорогой Петрюс!
- Значит, вы слышали меня?
- Я догадалась, что это вы.
- Регина!
- Петрюс!

Словно повторилось эхо первого поцелуя.

Затем Регина быстро увлекла Петрюса за собой.

– Пойдемте на поляну, – сказала она.

– Куда хотите, любовь моя.

И двое молодых людей, стремительные, как Гиппомен и Атланта, бесшумные, как сильфы и ундины, которые порхают под высокими травами Брументалья, не приминая их, через несколько мгновений очутились в той части сада, которая называлась поляной.

Поляна, где очутились Петрюс и Регина, была самым прелестным гнездышком любви, которое только можно было себе представить: закрытая со всех сторон деревьями, она напоминала собой большую беседку, как центр огромного лабиринта. Невозможно было понять, как можно на эту поляну попасть, а попав на нее, трудно было найти выход оттуда. Деревья, плотно посаженные у корней, образовывали вершинами своими что-то наподобие шатра, накрывая полянку как бы сеткой из зеленого шелка. И находившиеся на поляне любовники напоминали двух бабочек, попавших в огромный сачок.

И однако же листья деревьев не так плотно прижимались друг к другу, чтобы через них не смог проникнуть свет звезд. Но свет этот проникал сквозь ветки и листья деревьев так робко, с такими многочисленными предосторожностями, что его лучи, падая на золотистый песок, были похожи на изумруды!

На этой поляне было еще темнее, чем в самом парке.

Регина была одета во все белое, словно невеста.

В особняке в тот вечер проходил прием. Но Регина успела поменять свой парадный туалет на широкий батистовый пеньюар с золотым шитьем, с широкими рукавами, из которых выглядывали ее великолепные обнаженные руки. Не желая заставлять Петрюса ждать, она не сняла украшений.

На шее у нее висело ожерелье из прекрасного жемчуга, бусинки которого напоминали капли застывшего молока. В ушах блестели бриллианты, каждый величиной с горошину. В волосах сверкала бриллиантовая подвеска. И, наконец, запястья ее были схвачены браслетами с изумрудами, рубинами, сапфирами и другими драгоценными камнями всех форм, цветов и оттенков.

До чего же она была восхитительна в этом наряде! Вся в белом, она сверкала ослепительной и чистой белизной луны, и, как и это ночное светило, она одновременно вся сверкала и лучилась!

Когда Петрюс остановился, отдышался и увидел ее при свете звезд, он был очарован. Никто, кроме молодого человека, художника, поэта и влюбленного, не смог бы лучше оценить то феерическое видение, которое было перед его взором: этот освещенный и колеб-

лющийся лес, эта поросшая мхом земля, усеянная фиалками, распространявшими свой аромат, и светлячками, льющими на землю свой магический свет! А на ветке соседнего дерева сидит, выводя свою очаровательную ночную серенаду, сладкоголосый соловей! А рядом с ним, опираясь на его руку, стоит Регина, пьянящая и опьяненная любовью! Как центр всей этой восхитительной картины! Как статуя из розового мрамора!

Все это было, согласитесь, более чем достаточно для того, чтобы превратить человека безразличного во влюбленного, а влюбленного – в безумно влюбленного. Это был настоящий *сон в летнюю ночь*, сон любви и счастья.

Петрюс был им просто опьянен.

Но самым ужасным для нашего бедного Петрюса было то, что его возлюбленная была богата!

Конечно же, без всех этих жемчугов, бриллиантов, рубинов и изумрудов Регина выглядела бы красивой, поскольку она оставалась бы женщиной. Но достаточно ли было для женщины по имени Регина быть просто женщиной? Не должна ли она была быть немного и королевой?

Увы! Именно об этом и подумал Петрюс, вздыхая одновременно с грустью и любовью: он вспомнил о том, что должен был сделать любимой чистосердечное признание.

И уже открыл было рот, чтобы все ей рассказать, но тут понял, что сердце его было наполнено совсем другими чувствами, что губы его готовы были произнести совсем другие слова, чем слова унижительного признания.

– Потом, потом, – прошептал он.

И, видя, что Регина уселась на поросшую мхом скамью, он улегся у ее ног, целуя ее ладони и стараясь отыскать между украшениями место на руках, куда бы он мог приложиться губами.

Регина поняла, что все эти браслеты очень мешали Петрюсу.

– Извините меня, милый друг, – сказала она, – я пришла на свидание не переодевшись. Я дрожала от мысли, что заставлю вас ждать. К тому же мне и самой не терпелось поскорее увидеться с вами. Помогите-ка мне освободиться от этих украшений.

И она начала нажимать поочередно на замки и пружины браслетов, которые стали падать вокруг нее словно сверкающий дождь. Все эти рубины, изумруды, вделанные в золото сапфиры.

Петрюс попытался было их подобрать.

– О! Оставь, оставь! – сказала она с беззаботностью богатой аристократки. – Этим позже займется Нанон. Ну вот, мой Петрюс, теперь мои руки свободны и они твои: на них больше нет ни цепей, ни золота, ни бриллиантов. Теперь тебе ничто не мешает!

Ну что тут можно было поделаться? Только упасть на колени и восхититься!

А затем, подобно индусу, погрузиться в молчаливое созерцание красоты, в опьянение, действие которого подобно действию гашиша.

Затем, после непродолжительного молчания, во время которого взгляд молодого человека утонул в глазах Регины, а душа его как бы переселилась в душу девушки, Петрюс воскликнул в порыве страсти:

– Ах! Регина, любимая моя! Теперь Господь может призвать меня к себе: ведь я прикоснулся руками и губами к тому неведомому цветку, который зовется человеческим блаженством, и остался жив. Никогда в своих надеждах, в самом сладком своем сне не получал я и крупинки той радости, которую даете мне вы, словно доброе божество. Я люблю вас, Регина, любовью, которую невозможно выразить словами. Всего моего времени, всей моей жизни, всей вечности не хватит мне для того, чтобы выразить то, что я чувствую. И я всегда буду повторять: я люблю тебя, Регина! Я тебя люблю!

Молодая женщина сама уронила руку к его губам.

Регина, как мы уже сказали, сидела, а Петрюс лежал у ее ног. Но вот, поцеловав руку Регины, он чуть приподнялся. Затем, обнимая Регину, он встал.

И получилось так, что он был на ногах, а она продолжала сидеть.

Таким образом он мог смотреть на нее с высоты своего роста.

И тут в голове у него снова мелькнула мысль о его бедности, и он тяжело вздохнул.

Регина от этого вздоха вздрогнула всем телом: она поняла, что это был вздох горя, а не любви.

– Что с вами, друг мой? – спросила она с некоторым испугом.

– Со мной? Ничего! – ответил Петрюс, отрицательно мотнув головой.

– Да нет же, – сказала Регина, – вы погрустнели, Петрюс. Говорите, в чем дело. Я так хочу!

– У меня были большие неприятности, дорогая.

– У вас?

– Да.

– Когда же?

– Недавно.

– И вы ни словом не обмолвились об этом со мной, Петрюс? Ну, так что же случилось? Говорите! Ну, рассказывайте же!

И Регина подняла лицо, чтобы лучше видеть Петрюса.

Ее прекрасные глаза были полны любви и сверкали, словно бриллианты, украшавшие ее волосы.

Если бы сверкали только глаза Регины, Петрюс высказал бы все.

Но ведь были еще и эти бриллианты.

Бриллианты словно заколдовали его.

О! Ведь это было бы ужасно мучительное признание!

Как он мог открыться этой великосветской даме, которая была столь же прекрасна, сколь и богата, в том, что возлюбленный ее был бедным художником, которому предстояло через четыре или пять дней продать с молотка всю свою мебель?

Да к тому же, если бы этот бедный художник признался бы в своей нищете богатой женщине, ему бы пришлось одновременно признаться своей подруге и в том, что он чуть было не стал неблагодарным сыном.

И снова смелость покинула его.

– Случилась большая неприятность, – сказал он, – ведь я был вынужден покинуть Париж и целых шесть дней не видеться с вами!

Регина притянула его к себе, подставив лоб для поцелуя.

Петрюс поцеловал ее, вздрогнув от счастья, которое словно осветило его лицо.

В этот самый момент лучи зарождающейся луны упали на лицо Петрюса.

Увидев его освещенное двойным светом лицо, Регина не смогла удержаться от восклицания восхищения.

– Вы мне часто говорили, Петрюс, что я красива.

Молодой человек прервал ее.

– И я вам снова это говорю, Регина! – воскликнул он. – Но это говорит не мой рот, а мое сердце!

– Ну вот, позвольте и мне сказать всего лишь раз, что и вы прекрасны!

– Я? – удивленно переспросил Петрюс.

– Позвольте сказать вам, что вы красивы и что я вас люблю, мой благородный Ван Дейк! Слушайте, вчера в Лувре я увидела портрет этого великого художника, которому талант дан Богом, как и вам, и чьим именем я вас называю. Так вот, я вспомнила о том, что мне рассказывали в Генуе о любви Ван Дейка и графини де Бриньоль. И я готова была ска-

зять вам – вам повезло, мой Петрюс, что в тот момент я вас не встретила! – я готова была сказать вам следующее: «Я принадлежу вам так же, как она принадлежала ему, и я люблю вас, естественно, сильнее, чем она его любила!»

Петрюс воскликнул от радости.

И, упав возле нее, он обвил рукой ее талию и нежно привлек ее к себе.

Регина изогнулась, как пальма под напором ночного бриза, и, положив голову на грудь Петрюса, слышала учащенное биение его сердца, которое при каждом ударе говорило ей нараспев: «Регина, я тебя люблю!»

Эти молодые люди представляли собой такую живописную скульптуру, что ангелу счастья следовало бы увековечить их в этом любовном порыве.

Слова застыли на их губах. Ну что они могли сказать друг другу? Дыхание Петрюса нежно колыхало волосы молодой женщины и заставляло их вздрагивать, как дрожат перышки птицы под дыханием ветерка.

Она закрыла глаза, испытывая в душе те же сладостные ощущения, которые внушает религия умирающим, говоря о том, что они вскоре окажутся в ином мире и предстанут перед очами Господа нашего.

В этой опьяняющей летаргии прошел целый час. Каждый из влюбленных испытывал при этом то счастье, которое он приносил другому, и наслаждался им в тишине, словно опасаясь, что это слишком яркое свидетельство подобного блаженства вызовет ревность светил, которые их освещали.

Ни он, ни она не смогли преодолеть влияния их любовного объятия. Их дыхание становилось все более учащенным, взгляды все более томными, их вздохи все более и более походили на стоны. В их жилах кровь, как волны моря во время прилива, заливала сердца и билась в артериях, отражаясь на их лицах.

Регина резко очнулась, как это делает ребенок, старающийся очнуться от дурного сна, и, дрожа всем телом, почти касаясь своими губами губ молодого человека, прошептала:

– Ступай... Уходи... Оставь меня, мой Петрюс!

– Как, уже?... – сказал молодой человек. – Уже!.. Но почему я должен уйти?

– Повторяю тебе, уходи, любимый мой. Уходи... Уходи!

– Нам угрожает какая-то опасность, мой милый ангел?

– Да, большая опасность. Ужасная опасность!

Петрюс встал и огляделся.

Регина усадила его с улыбкой, в которой читался страх.

– Нет, – сказала Регина. – Опасность не там, где ты пытаешься ее найти.

– Так где же она? – спросил Петрюс.

– Она таится в нас, в наших сердцах. Она на наших губах, в твоих объятиях, в моих цепях... Пожалей же меня, Петрюс... Я слишком сильно тебя люблю!

– Регина! Регина! – воскликнул Петрюс, сжимая голову девушки и страстно ее целуя.

Поцелуй длился нескончаемо долго. Этот страстный поцелуй, который в то же самое время был таким же целомудренным, как поцелуй двух ангелов, соединил их сердца. С неба-склона скатилась звезда. Она, казалось, упала всего в нескольких шагах от них.

Сделав невероятное усилие над собой, Регина освободилась из объятий молодого человека.

– Не будем же падать с неба подобно ей, мой возлюбленный Петрюс, – сказала Регина, глядя на него своими прекрасными глазами, наполненными слезами любви.

Петрюс взял ее руку, привлек Регину к себе и поцеловал в лоб поцелуем, таким же чистым, как поцелуй брата.

– Перед Богом, который нас видит, – сказал он, – перед звездами, которые являются его глазами, я целую вас в знак моего глубочайшего уважения.

– Спасибо, милый друг, – сказала Регина. – Наклони голову.

Петрюс исполнил ее просьбу, и молодая женщина ответила ему точно таким же чистым поцелуем.

В этот момент часы пробили три раза и появилась Нанон.

– Через полчаса наступит рассвет, – сказала она.

– Видишь, Нанон, – произнесла Регина. – Мы уже простились.

И они расстались.

Но в тот момент, когда их руки были уже готовы разъединиться, Регина удержала Петрюса.

– Друг мой, – сказала она, – завтра, надеюсь, ты получишь мое письмо.

– Я тоже очень на это надеюсь, – сказал молодой человек.

– Письмо будет очень хорошим.

– Все твои письма, Регина, очень хорошие. Но самое последнее из них всегда самое лучшее.

– Это будет самое лучшее из всех.

– О, боже! Я так счастлив, что мне немножко страшно!

– Ничего не бойся и будь счастлив, – сказала Регина.

– Но что же ты мне сообщишь в этом письме, любовь моя?

– О! Потерпи и подожди! Разве мы не должны продолжать быть счастливы в те дни, когда мы не видим друг друга?

– Спасибо, Регина. Ты просто ангел.

– До свидания, друг мой!

– Друг навечно! Не так ли?

– Ну вот, – произнесла Нанон, – что я вам говорила: уже светло.

Петрюс покачал головой и удалился, не спуская глаз с молодой женщины.

Что же такое сказала Нанон и что она произнесла насчет рассвета?

В этот момент в глазах молодых людей, напротив, все померкло, соловей прекратил свои трели, звезды на небосклоне исчезли, и вся эта созданная для них феерия, казалось, погасла с их последним поцелуем.

Глава LXXIV

Иерусалимская улица

Сальватор, расставаясь с тремя молодыми людьми, сказал: «Пойду попытаюсь спасти мсье Сарранти, которого должны казнить через восемь дней».

Предоставим молодым людям разойтись по сторонам, Сальватор быстро спустился по улице Апфер, пересек мост Сен-Мишель, прошел по набережной и в тот момент, когда каждый из приятелей прибыл на свидание, подошел к зданию префектуры полиции.

Как и в первый раз, привратник остановил его вопросом:

– Куда вы идете?

И как и в первый раз, Сальватор назвал себя.

– Извините, мсье, – сказал привратник, – я вас не узнал.

Сальватор прошел во двор префектуры.

Он пересек этот двор, вошел под своды здания, поднялся на третий этаж и вошел в приемную, где сидел работник отдела обслуживания.

– Мсье Жакаль у себя?

– Он ждет вас, – ответил служащий и открыл дверь, ведущую в кабинет господина Жакаля.

Сальватор вошел и увидел, что начальник полиции сидит в огромном вольтеровском кресле.

При появлении молодого человека господин Жакаль встал и быстро направился к нему навстречу.

– Сами видите, я вас ждал, дорогой мсье Сальватор, – сказал он.

– Благодарю вас, мсье, – ответил Сальватор как всегда довольно высокомерно и пренебрежительно.

– Вы ведь сами сказали мне, – произнес господин Жакаль, – что речь пойдет о простой поездке в пригород Парижа. Разве не так?

– Именно так, – ответил Сальватор.

– Прикажите заложить карету, – сказал господин Жакаль дежурному.

Тот вышел, чтобы исполнить приказание.

– Присядьте, дорогой мсье Сальватор, – сказал господин Жакаль, указывая молодому человеку на кресло. Через пять минут мы можем выехать. Я распорядился держать лошадей наготове.

Сальватор сел, но не в то кресло, на которое показал ему господин Жакаль, а в более удаленное от стола.

Можно было подумать, что молодой человек чисто инстинктивно старался держаться подальше от этого скользкого полицейского.

Господин Жакаль заметил это движение, но показал это только легким движением бровей.

Затем, достав из кармана табакерку, он втянул носом табак и откинулся на спинку кресла.

– Знаете, о чем я думал перед тем, как вы сюда вошли, мсье Сальватор?

– Не знаю, мсье. У меня нет дара предвидения, это не мое ремесло.

– Так вот, я раздумывал над тем, откуда у вас взялось чувство любви к человечеству.

– Оно родилось из моего сознания, мсье, – ответил Сальватор. – Меня прежде всего восхитили, даже прежде стихов Вергилия, стихи некоего карфагенского поэта, который сочинил их, видно, только оттого, что сам был рабом:

Homo sum, humani nihil a me alienum puto.¹

– Да, да, – сказал господин Жакаль, – я знаю этот стих: это из Теренция, не так ли? Сальватор утвердительно кивнул головой.

Господин Жакаль продолжал.

– Честно говоря, дорогой мсье Сальватор, – сказал он, – если бы не существовало слова «филантроп», его следовало бы придумать для вас. Любой самый простодушный журналист, если, конечно, существуют простодушные журналисты, завтра напишет, что вы в полночь явились ко мне для того, чтобы приобщить меня к доброму делу, в которое никто не поверит. Более того, вас заподозрили бы в том, что вы преследуете какой-то интерес в этом деле, ваши политические сторонники не преминули бы дезавуировать вас и закричали бы во весь голос о том, что вы продались бонапартистской партии, поскольку вы упорно стараетесь спасти жизнь этому господину Сарранти, который прибыл сюда с другого конца света и которого вы, вероятно, впервые увидели только в тот день, когда его арестовывали на площади Вознесения. Проявлять столько упорства, чтобы доказать, что суд был введен в заблуждение и приговорил к смерти невиновного человека, – разве это в глазах ваших политических сторонников не было бы доказательством ваших бонапартистских настроений?

– Спасти невиновного, мсье Жакаль, означает доказать свою честность. Невиновный человек не принадлежит ни к какой партии. Скорее всего он принадлежит к партии Бога.

– Да, да, конечно. Но все это ясно мне лично и понятно потому, что я уже давно с вами знаком и давно уже знаю, что вы, как это принято считать, *свободный мыслитель*. Да, я знаю, что было бы неразумно пытаться трогать так глубоко укоренившиеся взгляды. И поэтому я не стану даже пытаться сделать это. Но что вы сделаете, если кто-то попытается напасть на вашу позицию, если кто-нибудь захочет вас оклеветать?

– Это будет пустой затеей, мсье: ему никто не поверит.

– Когда я был в вашем возрасте, – с легким налетом грусти произнес господин Жакаль, – у меня были почти такие же взгляды, как и у вас сейчас. Но потом я горько в них разочаровался и воскликнул, как Мефистофель, – вы только что изложили вашу позицию, дорогой мсье Сальватор, так позвольте и мне рассказать вам о моей – так вот, я воскликнул, как Мефистофель: «Считай себя одним из нас: все это великое ничто создано только для одного Бога. Только ему служит вечный огонь! Нас же он создал для того, чтобы заполнить мрак...»

– Ладно! – сказал Сальватор. – Тогда я отвечу вам, как это сделал доктор Фауст: «Я так хочу!»

– «Но время коротко, искусство велико!» – продолжил господин Жакаль цитату до самого конца.

– Что поделать! – ответил ему Сальватор. – Так уж устроен мир. Одних привлекает зло, я чувствую, что меня мой врожденный инстинкт, какая-то непреодолимая сила влечет к добру. Это я говорю к тому, мсье Жакаль, что все самые педантичные и самые болтливые философы, если их собрать вместе, не смогут поколебать моих убеждений.

– О, молодость! Молодость! – прошептал горестно господин Жакаль и печально покачал головой.

Сальватору в этот момент показалось, что пришла пора сменить тему разговора. По его убеждению, грустный господин Жакаль представлял собой позор для грусти как таковой.

¹ «Homo sum, humani nihil a me alienum puto» (лат.) – «Человек есмь, и ничто человеческое не считаю чуждым себе». (Прим. изд.)

Поскольку вы оказали мне честь принять меня, мсье Жакаль, – сказал он, – позвольте мне изложить в нескольких словах цель поездки, которую я предложил вам позавчера совершить вместе со мной.

– Слушаю вас, дорогой мсье Сальватор, – ответил господин Жакаль.

Но не успел он произнести эти слова, как открылась дверь, вошел дежурный и доложил, что лошади запряжены.

Господин Жакаль встал.

– Поговорим по дороге, дорогой мсье Сальватор, – сказал он, беря шляпу и делая знак молодому человеку проходить вперед.

Сальватор поклонился и вышел из комнаты первым.

Когда они вышли во двор, господин Жакаль, посадив молодого человека в карету, поставил ногу на подножку и спросил:

– Куда мы едем?

– По дороге на Фонтенбло, в Кур-де-Франс, – ответил Сальватор.

Господин Жакаль отдал приказ вознице.

– Поедем через улицу Макон, – добавил молодой человек.

– Через улицу Макон? – спросил господин Жакаль.

– Да, заедем ко мне домой. Там мы возьмем еще одного спутника.

– Черт возьми! – произнес господин Жакаль. – Если бы я знал об этом, то приказал бы заложить карету попросторнее.

– О! – ответил на это Сальватор. – Не волнуйтесь, он не будет нам мешать.

– На улицу Макон, дом номер 4, – сказал господин Жакаль.

Карета тронулась.

Спустя некоторое время она остановилась перед дверью дома Сальватора.

Сальватор открыл дверь и вошел в дом.

Едва он успел подняться на первую ступеньку витой лестницы, как наверху ее появился свет.

Показалась Фрагола со свечой в руке. Она походила на звезду, которую можно увидеть на дне глубокого колодца.

– Это ты, Сальватор? – спросила она.

– Да, дорогая.

– Ты уже вернулся?

– Нет, я буду дома часов в восемь утра.

Фрагола вздохнула.

Сальватор скорее почувствовал этот ее вздох, чем услышал его.

– Не беспокойся, – сказал он, – мне не грозит никакая опасность.

– И все-таки возьми с собой Роланда.

– Я именно за ним и приехал.

И Сальватор позвал Роланда.

Пес, словно бы только и дожидался этого приказа: он слетел с лестницы и, подскочив к хозяину, поставил передние лапы ему на плечи.

– А я? – грустно спросила Фрагола.

– Пойди сюда, – сказал Сальватор.

Мы только что сравнили девушку со звездой.

Ни одна падающая с небосклона звезда не преодолевала расстояние от одного края горизонта до другого так быстро, как это сделала Фрагола, соскользнувшая к Сальватору по перилам лестницы.

И она тут же оказалась в объятиях молодого человека.

– До завтра, или скорее до восьми сегодняшнего утра? – спросила она.

– До восьми утра.

– Ступай, мой Сальватор, – сказала она. – И храни тебя Бог!

И она проводила глазами молодого человека до тех пор, пока за ним не закрылась дверь.

Сальватор сел в карету рядом с господином Жакалем и сказал через окно кареты:

– Беги за нами, Роланд.

И Роланд, словно бы поняв, куда они держат путь, не только побежал вслед за каретой, но, обогнав ее, устремился в направлении заставы Фонтенбло.

Глава LXXV

Замок Вири

Тем нашим читателям, кто еще не догадался о цели этой ночной экспедиции Сальватора, господина Жакаля и Роланда, расскажем в нескольких словах о том, что произошло за два дня до этого.

Сальватор, видя, что отсрочка, предоставленная королем до возвращения аббата Доминика, неумолимо близится к концу, пришел к господину Жакалю и сказал ему:

– Вы разрешили мне, мсье, приходить к вам всякий раз, когда я смогу указать вам на какую бы то ни было несправедливость или на причиненное кому-то зло, которое можно исправить.

– Точно, дорогой мой мсье Сальватор, – ответил господин Жакаль, – я, помнится, именно это так вам и сказал.

– Вот и хорошо. Я пришел сейчас к вам поговорить о смертном приговоре, вынесенном господину Сарранти.

– Вот как? Вы пришли поговорить со мной об этом приговоре?

– Да.

– Что ж, давайте поговорим, – сказал господин Жакаль, опуская на нос очки.

Сальватор продолжил:

– Мсье, если бы у вас была полная уверенность в том, что господин Сарранти невинно, стали бы вы делать все от вас зависящее для того, чтобы его спасти?

– Естественно, дорогой мсье Сальватор.

– Хорошо, в таком случае вы меня поймете. Так вот: у меня эта уверенность есть.

– Но ее, к несчастью, нет у меня, – ответил господин Жакаль.

– Вот поэтому-то я и пришел к вам. Я хочу дать вам возможность в этом убедиться. У меня же есть не только уверенность, но и доказательство невинности господина Сарранти.

– У вас, дорогой мсье Сальватор? Что ж, тем лучше!

Сальватор подтвердил все сказанное им кивком головы.

– У вас, значит, есть доказательство?

– Да.

– Так почему же вы в таком случае не предъявляете его мне?

– Я пришел именно для того, чтобы попросить вас помочь мне получить это доказательство.

– Я в вашем полном распоряжении, дорогой мсье Сальватор. Говорите же поскорей.

– Нет, я пришел не за тем, чтобы говорить о нем. Слова не являются доказательствами. Я пришел для того, чтобы действовать.

– Давайте же действовать.

– Будете ли вы свободны завтра ночью?

Господин Жакаль бросил искоса на Сальватора быстрый, как молния, взгляд.

– Нет, – ответил он.

– А послезавтра ночью?

– Это подходит. Но только мне хотелось бы знать, на сколько времени вы меня похитите?

– Всего на несколько часов.

– Мы останемся в Париже или поедем за город?

– Мы уедем из города.

– На сколько лье? Хотя бы приблизительно?

- На четыре-пять лье.
- Отлично!
- Значит, вы будете готовы?
- Я буду в вашем полном распоряжении.
- В котором часу?
- Начиная с полуночи я буду принадлежать вам телом и душой.
- Итак, встречаемся послезавтра в полночь?
- Да, послезавтра в полночь.

И Сальватор распрощался с господином Жакалем.

Разговор происходил в восемь часов утра.

На выходе он повстречался с каким-то человеком, который был так тщательно закутан в редингот со стоячим воротом, что создавалось впечатление, будто этот человек старался спрятать свое лицо.

Сальватор не обратил на него особого внимания.

Ведь люди, которые приходили к господину Жакалю, имели веские причины для того, чтобы скрывать свое лицо.

Этот человек поднялся к господину Жакалю.

Тому доложили о том, что прибыл господин Жерар.

Господин Жакаль радостно воскликнул и велел закрыть за посетителем дверь.

Их разговор продолжался почти час.

Возможно, чуть позже мы узнаем, о чем шел разговор этих людей. Но пока мы вынуждены следовать по дороге на Фонтенбло вместе с Сальватором, господином Жакалем и Роландом.

Дорога не заняла много времени.

Когда карета подъехала к мосту Годо, Сальватор велел кучеру остановиться, и они вышли из кареты.

– Мне думается, – сказал господин Жакаль, – что мы потеряли вашу собаку. Это было бы крайне неприятно, поскольку она на вид очень умна.

– Это чрезвычайно умный пес, – подтвердил Сальватор, – впрочем, вы сами сможете в этом убедиться.

Господин Жакаль и Сальватор прошли по той самой яблоневой аллее, которая уже известна нашим читателям и которая вела к воротам парка.

Перед воротами они увидели при свете луны поджидавшего их Роланда. Пес лежал, вытянув вперед лапы и высоко подняв голову, в позе больших египетских сфинксов.

– Здесь! – сказал Сальватор.

– Отличное поместье! – произнес господин Жакаль, приподняв очки и вглядываясь в глубину парка. – И как же мы туда сможем войти?

– О, нет ничего проще, сейчас сами увидите, – ответил Сальватор. – Брезил, оп!

Пес в мгновение ока вскочил на ноги.

– Я думал, что вашего пса зовут Роландом, – сказал господин Жакаль.

– В городе, да, он Роланд. Но за городом я зову его Брезилом. Это очень долгая история, и я как-нибудь расскажу ее вам, но в другое время и в другом месте. Сюда, Брезил!

Сальватор уже подошел к тому месту в стене, где он обычно перелезал, чтобы попасть в парк.

Услышав команду хозяина, Брезил подбежал к стене.

Сальватор взял его за лапы и поднял на вытянутых руках, как он уже делал это, когда мы рассказывали вам о первом его посещении поместья. Оказавшись на уровне гребня стены, Брезил ухватился за него передними лапами, в то время, как задние его лапы оставались на плечах хозяина.

– Прыгай! – сказал тот.

Пес прыгнул и приземлился по ту сторону стены.

– А! – сказал господин Жакаль, – теперь я начинаю понимать. Таким образом он укажет нам дорогу.

– Совершенно правильно! Теперь наша очередь, – сказал Сальватор, подтянувшись до гребня стены и усаживаясь на нее верхом.

Затем он протянул со стены руки господину Жакалю:

– Я вам помогу, – сказал он.

– Не стоит, – ответил господин Жакаль.

И он проделал все то же, что и Сальватор, с такой легкостью, которую молодой человек не ожидал увидеть в человеке его возраста.

Скажем сразу, что рукам господина Жакаля не надо было поднимать большую тяжесть вследствие необычайной худобы его тела.

– В таком случае, – сказал молодой человек, – мне беспокоиться о вас не приходится.

И спрыгнул в парк.

Господин Жакаль проделал то же самое с такой легкостью и гибкостью, которые свидетельствовали о его привычке к гимнастическим упражнениям.

– Теперь, – сказал Сальватор, – жестом подзывая собаку, – знаете ли вы, где мы находимся?

– Нет, – сказал господин Жакаль, – но надеюсь, что вы сооблаговолите мне сказать.

– Мы сейчас находимся в замке Вири.

– Ага! Вири!.. А что же это такое?

– Я помогу вам вспомнить: в замке Вири, у почтеннейшего господина Жерара.

– У почтеннейшего господина Жерара? Гм... Это имя мне знакомо.

– Я тоже так полагаю. Это имение, где он уже давно не живет, он сдал его господину Лоредану де Вальженезу, который скрывал тут Мину.

– Мину?.. Какую еще Мину? – спросил господин Жакаль.

– Ту девушку, которую он похитил из Версаля.

– Ах, так! И что же с ней случилось?

– Хотите, я расскажу вам одну небольшую историю, мсье Жакаль?

– Расскажите, дорогой мсье Сальватор. Вы ведь знаете, какое мне доставляет наслаждение слушать вас.

– Так вот, один из моих друзей, будучи в России (а именно в Санкт-Петербурге), имел неосторожность во время игры в карты у некоего крупного вельможи положить на игорный стол очень красивую табакерку с бриллиантами. И эта табакерка исчезла. А он очень этой табакеркой дорожил.

– Это понятно, – сказал господин Жакаль.

– Она была дорога ему не из-за того, что была украшена бриллиантами, а как память о человеке, который ему эту табакерку подарил.

– Мне бы она была дорога по обеим причинам.

– И вот, поскольку он дорожил этой табакеркой по одной причине, хотя вы бы дорожили ей по двум причинам, он поведал о своем несчастье хозяину дома, используя все приличествующие случаю слова для того, чтобы сказать ему о том, что вор находится в его доме. Но, к его огромному удивлению, хозяин дома этому сообщению не очень-то и удивился.

– Опишите мне поточнее вашу табакерку, – сказал хозяин моему другу.

Мой друг описал пропажу.

– Хорошо, – сказал хозяин. – Я постараюсь вам ее вернуть.

– Вы, значит, хотите обратиться за помощью в полицию?

– О, нет, что вы! В этом случае вы ее больше никогда бы не увидели. Напротив, никому ничего не говорите о пропаже.

– Но как же вы ее сможете найти?

– Это мое дело. Я все вам расскажу, когда верну вам вашу табакерку.

Спустя восемь дней вельможа приехал с визитом в дом моего друга.

– Это она? – спросил он, протягивая моему другу табакерку.

– Она, – ответил тот.

– Значит, это ваша табакерка?

– Разумеется.

– Тогда заберите ее и никогда больше не кладите на игральный стол. Я понимаю, почему ее у вас украли: она стоит десять тысяч франков.

– Но как, черт возьми, вам удалось ее отыскать?

– Ее взял у вас один из моих друзей: граф такой-то.

– И вы посмели потребовать у него, чтобы он вернул ее?

– Потребовать, чтобы вернул? О, нет! Это сильно ранило бы его самолюбие.

– Так что же вы в таком случае сделали?

– То же, что и он: я ее у него стянул.

– Ах-ах! – произнес господин Жакаль.

– Вы улавливаете сходство, дорогой мсье Жакаль?

– Да. Господин де Вальженез украл Мину у Жюстена...

– Вот именно, а я украл Мину у господина де Вальженеза.

Господин Жакаль втянул носом табак.

– Мне об этом не было ничего известно, – сказал он.

– Да.

– Но почему же господин де Вальженез не пожаловался мне на вас?

– Мы уладили это дело полюбовно, дорогой мсье Жакаль.

– Ну, коль скоро дело улажено... – произнес полицейский.

– По крайней мере до получения нового приказа.

– Тогда не будем больше об этом говорить.

– Не будем. Давайте теперь поговорим о господине Жераре.

– Слушаю вас.

– Так вот, как я вам уже сказал, господин Жерар уже давно покинул этот замок.

– Некоторое время спустя после совершенной господином Сарранти кражи и исчезновения его племянника и племянницы. Это мне известно: об этом говорилось во время слушания дела в суде присяжных.

– Теперь скажите, известно ли вам, каким именно образом пропали племянник и племянница господина Жерара?

– Нет. Вы же знаете, что господин Сарранти упорно отказывался признать в своем участии в этом деле.

– И он был прав. Потому что, когда господин Сарранти покинул замок Вири, оба ребенка были в полном здравии и мирно играли на лужайке.

– Во всяком случае, он так и сказал.

– Так вот, мсье Жакаль, – сказал Сальватор, – мне известно, что стало с этими детьми.

– Ба!

– Да.

– Скажите же, дорогой мсье Сальватор. Вы меня просто заинтриговали.

– Девочку зарезала ножом госпожа Жерар, а мальчик был утоплен самим господином Жераром.

– С какой же целью? – спросил господин Жакаль.

– Вы забываете о том, что господин Жерар был одновременно опекуном и единственным наследником этих детей.

– О! Что вы такое говорите, дорогой мсье Сальватор! Я не был знаком с госпожой Жерар...

– Которая и не была никогда госпожой Жерар, а просто Урсулой.

– Возможно. Но я знаю самого господина Жерара. Достопочтеннейшего господина Жерара, как все его называют.

И на губах господина Жакаля появилась свойственная только ему улыбка.

– Так вот, – сказал Сальватор, – достопочтеннейший господин Жерар утопил мальчика, а его жена зарезала девочку.

– И вы можете дать мне доказательства этого? – спросил господин Жакаль.

– Безусловно.

– Когда же?

– Немедленно... Если вы, конечно, согласитесь следовать за мной.

– Уж коли я сюда пришел... – сказал господин Жакаль.

– Вы пойдете до конца, не так ли?

Господин Жакаль кивком головы и пожатием плеч выразил свое согласие.

– Тогда пошли, – сказал Сальватор.

И они прошли вдоль стены парка к дому. Всю дорогу Сальватор жестами и голосом сдерживал Брезия, которого, казалось, влекла к мосту в парке какая-то невидимая и непреодолимая сила.

Глава LXXVI

В которой господин Жакаль сожалеет о том, что Сальватор честный человек

Так они дошли до крыльца замка.

Здание было погружено в абсолютный мрак. Ни в одном из его окон не было света. Было очевидно, что замок пуст.

– Остановимся на секунду здесь, дорогой мсье Жакаль, – сказал Сальватор. – Я сейчас расскажу вам, как все это происходило.

– По вашим предположениям?

– По моей уверенности. Перед нами находится пруд, в котором был утоплен маленький мальчик, а позади нас – погреб, где была зарезана девочка. Начнем с погреба.

– Да. Но для того, чтобы начать с погреба, надо войти в дом.

– Пусть это вас не беспокоит: когда я в последний раз был здесь, я подумал, что рано или поздно, но мне придется сюда вернуться еще раз, и поэтому я взял ключи от входной двери. Давайте войдем.

Роланд хотел было последовать за людьми.

– Тубо, Брезил! – сказал Сальватор. – Сиди здесь, пока тебя не позовет хозяин!

Брезил уселся на задние лапы и стал ждать.

Первым в дом вошел Сальватор.

За ним последовал господин Жакаль.

Сальватор закрыл за ним дверь.

– Вы ведь в темноте видите, как кошка или как рысь, не так ли, мсье Жакаль? – спросил Сальватор.

– Благодаря моим очкам, – сказал господин Жакаль, поднимая их на лоб. – Да, дорогой мсье Сальватор... Я вижу достаточно хорошо. По крайней мере для того, чтобы со мной чего-нибудь не приключилось.

– Ну, тогда следуйте за мной.

И Сальватор свернул в коридор налево.

Господин Жакаль не отставал от него ни на шаг.

Коридор с дюжиной ступенек вел, как мы помним, на кухню. А на кухне был проход в винный погреб, где и произошла та ужасная драма, о которой мы вам уже поведали.

Сальватор, не останавливаясь, прошел через кухню и остановился только перед винным погребом.

– Это здесь, – сказал он.

– Что – здесь? – спросил господин Жакаль.

– Здесь была задушена госпожа Жерар.

– А! Здесь?

– Да. Ведь здесь, Брезил, не так ли? – сказал Сальватор, повысив голос.

Послышался шум приближавшегося вихря: выбив стекло, пес прыгнул в погреб и приземлился у ног своего хозяина и господина Жакаля.

– Это еще что такое? – спросил, отступив на шаг, полицейский.

– Брезил показывает вам, как все это происходило.

– О! – произнес господин Жакаль. – Уж не сам ли Брезил, случаем, задушил бедную госпожу Жерар?

– Он.

– Но в таком случае Брезил – коварный убийца, который заслуживает того, чтобы его отправили на каторгу.

– Брезил – честный пес, который заслуживает, чтобы его наградили призом Монтиона.

– Объяснитесь.

– Брезил задушил госпожу Жерар потому, что она убивала маленькую Леонию. Пес обожал ее. Услышав ее крик о помощи, он примчался ей на выручку. Не так ли, Брезил?

Брезил испустил мрачный и протяжный вой.

– Теперь, – продолжал Сальватор, – если вы сомневаетесь в том, что это произошло именно здесь, зажгите свечу и осмотрите пол.

Господин Жакаль, словно иметь при себе огниво, спички и свечу было обычным делом, вынул из кармана редингота фосфорное огниво и карманный фонарь.

Через пять секунд фонарь уже горел, и его свет заставлял мигать веки господина Жакаля.

Казалось, что, как и для ночных птиц, светом для него была темнота.

– Нагнитесь, – сказал Сальватор.

Господин Жакаль нагнулся.

И увидел на каменном полу красноватое пятно.

Можно было поспорить о том, что это слабо заметное пятно было оставлено кровью. Но господин Жакаль сразу же понял, что это была именно кровь, поскольку отрицать этого он не стал.

– И что же доказывает эта кровь? – спросил он. – Она может принадлежать как госпоже Жерар, так и маленькой Леонии.

– Это, – сказал Сальватор, – действительно кровь госпожи Жерар.

– И как же вы это определили?

– Подождите.

Сальватор подозвал Брезила.

– Брезил! – сказал он. – Нюхай! Нюхай! – И указал псу на пятно крови.

Пес приблизил морду к каменной плите. Оскалившись и угрожающе рыча, он попытался укусить камень.

– Видите? – спросил Сальватор.

– Я вижу, что ваша собака взбесилась. И только.

– Подождите!.. Теперь я покажу вам то место, где пролилась кровь маленькой Леонии.

Господин Жакаль посмотрел на Сальватора с глубоким изумлением.

Сальватор взял из рук господина Жакаля карманный фонарь и, пройдя в комнату, которая находилась рядом с дровяным складом, указал на другие кровавые пятна, которые вели к двери, выходящей в сад.

– Смотрите, – сказал он, – вот следы крови девочки. – Не так ли, Брезил?

На сей раз Брезил нежно прикоснулся губами к камню, словно бы желая поцеловать его. И, горестно завыв, лизнул камень кончиком языка.

– Видели? – спросил Сальватор. – Девочка не была зарезана на месте: пока Брезил душил Урсулу, она уползла в сторону сада.

– Гм! Гм! – произнес господин Жакаль. – И что же дальше?

– Вот и все, что касается девочки. А теперь пойдем займемся мальчиком.

И, загасив фонарь, он протянул его господину Жакалю.

Они вышли в сад.

– Теперь, – сказал Сальватор, – мы посмотрим вторую часть драмы. Вот пруд, в котором господин Жерар утопил маленького Виктора в то время, как госпожа Жерар убивала девочку.

Сделав несколько шагов, они оказались на краю пруда.

– Ну-ка, Брезил, – снова произнес Сальватор, – Расскажи нам, как ты вытащил из воды труп твоего молодого хозяина.

Брезил, словно бы поняв, что от него требовалось, не заставил просить себя дважды: бросившись в воду, он доплыл до трети расстояния от берега, нырнул, вынырнул, а затем вылез на берег и с заунывным воем растянулся на траве.

– Этот пес, – сказал господин Жакаль, – несомненно выиграл бы в шахматы у Минуты.

– Подождите, подождите, – прервал его Сальватор.

– Жду, – сказал господин Жакаль.

Сальватор подвел господина Жакаля к группе высоких деревьев.

И попросил его снова зажечь фонарь.

Господин Жакаль исполнил его просьбу.

– Смотрите, – сказал Сальватор, указывая полицейскому на глубокую борозду на стволе одного из деревьев. – Взгляните сами и скажите, что это такое?

– Мне кажется, что это след от пули, – сказал господин Жакаль.

– А я в этом уверен, – сказал Сальватор.

Затем, достав нож с длинным и острым лезвием, который мог быть одновременно перочинным ножиком, кинжалом и скальпелем, он поковырялся им в ране дерева и выковырнул из нее кусочек свинца.

– Видите! Пуля все еще там, – сказал он.

– А я и не спорю, – произнес господин Жакаль. – Но что доказывает пуля, засевшая в стволе дерева? Надо еще увидеть, кого она задела, прежде чем попасть сюда.

Сальватор подозвал к себе Брезила.

Брезил подбежал к хозяину.

Сальватор взял палец господина Жакаля и легонько надавил им сначала на левый, а потом на правый бок Брезила.

– Чувствуете? – спросил он у полицейского.

– Да, чувствую.

– И что же вы чувствуете?

– Нечто похожее на шрамы.

– Так вот вы спросили, кого задела эта пуля. Теперь вы это почувствовали.

Господин Жакаль смотрел на Сальватора со все возрастающим восхищением.

– А теперь пойдете! – сказал Сальватор.

– Куда мы направляемся?

– Туда, куда, по словам Горация, надо спешить прийти. К развязке: *Ad eventum festina*.²

– Ах, дорогой мсье Сальватор, – воскликнул господин Жакаль. – Как жаль, что вы – честный человек!

И пошел вслед за Сальватором.

² «*Ad eventum festina*» (лат.) – «Сразу к делу спешить». (Прим. изд.)

Глава LXXVII

В зарослях кустарника

– Теперь, – сказал Сальватор, идя вдоль берега пруда, – вам все ясно, не так ли?

– Еще не совсем, – сказал господин Жакаль.

– Так вот: пока девочка была в винном погребе, мальчика топили в пруду. Брезил примчался на крики девочки, задушил Урсулу, или госпожу Жерар, если хотите. Затем он помчался на помощь другому своему другу, мальчику. Он нашел его на дне пруда, выволок его тело на лужайку, получил в бок пулю, которая, пробив насквозь его тело, впилась в ствол дерева, где мы ее и нашли. Тяжело раненная собака с воем убежала. И тогда убийца забрал тело маленького мальчика, унес его и закопал.

– Закопал? – переспросил господин Жакаль. – И где же?

– Сейчас увидите.

Господин Жакаль покачал головой.

– Там, где я его обнаружил, – сказал Сальватор.

Господин Жакаль снова покачал головой.

– Ну, а если вы его увидите?.. – спросил Сальватор.

– Черт, если я его увижу... – произнес господин Жакаль.

– Что вы тогда скажете?

– Скажу, что он там.

– Тогда пошли! – сказал молодой человек.

И ускорил шаг.

Мы знаем, какой они пошли дорогой: сначала мы видели, как по ней прошел господин Жерар, затем Сальватор. В первый раз по ней прошло преступление, во второй раз – правосудие.

Брезил бежал в десятке метров впереди них, оборачиваясь каждые пять минут, чтобы убедиться, что они идут за ним.

– Вот мы и пришли! – сказал Сальватор, углубляясь в чащу.

Господин Жакаль последовал его примеру.

Но, подойдя к нужному месту, Брезил остановился, словно в недоумении.

Вместо того, чтобы уткнуться носом в землю и начать рыть ее лапами, он продолжал стоять, водя носом по сторонам и недовольно рыча.

Сальватор, который, казалось, так же легко понимал мысли Брезила, как и пес его собственные, понял, что случилось что-то необычное.

И он тоже стал осматривать местность вокруг.

Его взгляд остановился на господине Жакале, чье лицо в этот момент было освещено луной.

На губах полицейского играла странная улыбка.

– Так вы говорите, что это здесь? – спросил господин Жакаль.

– Здесь, – ответил Сальватор.

Затем он обратился к собаке:

– Ищи, Брезил!

Брезил понюхал носом землю, а затем, подняв голову, испустил заунывный вой.

– О! – сказал Сальватор. – Уж не ошиблись ли мы местом, милый Брезил? Ищи!.. Ищи!..

Но Брезил замотал головой, словно говоря, что искать тут что-либо было бесполезно.

– Ба! – сказал Сальватор псу. – Неужели?..

И он сам, встав на колени, сделал то, что отказался делать пес: погрузил руки в землю.

Сделать это оказалось очень легко, тем более что почва, казалось, была недавно взрыхлена.

– Ну, так что? – спросил господин Жакаль.

– А то, – хриплым голосом ответил Сальватор, потерявший свою единственную надежду, – что труп отсюда убрали!

– Досадно, – сказал господин Жакаль. – Черт! Черт! Черт! Это было бы отличным доказательством... Поищите же получше!

Несмотря на явное отвращение, которое Сальватор испытывал от прикосновения к этой земле, он засунул руки по локоть в яму, а затем встал. Лицо его было бледным, на лбу выступил пот, глаза горели. Он снова повторил:

– Труп отсюда убрали!

– Да? – спросил господин Жакаль. – Но кто мог это сделать?

– Тот, кто заинтересован в его исчезновении.

– А вы уверены в том, что труп был тут? – спросил господин Жакаль.

– Повторяю, что я лично вот тут по подсказке Роланда, или, если угодно, Брезила, обнаружил скелет маленького Виктора, который был зарыт здесь после того, как дядя утопил его в пруду, а Роланд вытащил из воды. Ведь он был здесь, не так ли, Роланд?

Роланд вскочил, поставил передние лапы на грудь Сальватору и снова так же заунывно и так же продолжительно заскулил.

– Но когда он был здесь? – спросил господин Жакаль.

– Не далее как позавчера, – ответил Сальватор. – А это значит, что его убрали отсюда вчерашней ночью.

– Разумеется!.. Разумеется! – снова произнес господин Жакаль, чье выражение лица и голос ничуть не изменились. – Если вы полагаете, что еще позавчера он был здесь.

– Я не полагаю, – сказал Сальватор, – я утверждаю это.

– Черт! Черт! Черт! – снова повторил господин Жакаль.

Сальватор посмотрел полицейскому в глаза.

– Признайтесь, – сказал он ему, – вы ведь заранее знали, что мы здесь ничего не найдем.

– Мсье Сальватор, я верю всему, что вы мне говорите. И поскольку вы сказали мне, что здесь мы кое-что отыщем...

– Признайтесь, у вас ведь есть подозрения относительно человека, который убрал отсюда труп.

– Честно говоря, дорогой мсье Сальватор, никаких подозрений у меня нет.

– Чертовщина! Дорогой мой мсье Жакаль, – вскричал молодой человек, – сегодня вечером вы что-то совсем не блещете проникательностью.

– Признаюсь вам, – ответил господин Жакаль с простодушным выражением на лице, – что вся эта ночная сцена в безлюдном парке на краю ямы не располагает к умозаключениям. Даже самых хитроумных. Я напрасно напрягаюсь, поскольку никак не могу сообразить, кто же это мог похитить скелет.

– Во всяком случае, это сделал не господин Сарранти, который сейчас находится в тюрьме.

– Он не мог, – сказал господин Жакаль. – Но это вполне могли сделать его сообщники. Кто может доказать, что этот труп не был зарыт здесь господином Сарранти? И кто может доказать, что не господин Сарранти утопил ребенка и стрелял в собаку?

– Я! Я! Я! – произнес Сальватор. – Это могу доказать я! А доказательство... О, нет, слава богу! Я найду лучшее доказательство, чем это... Вы согласны с тем, что тот, кто убрал отсюда труп, является убийцей?

– Вы слишком категоричны в своих предположениях.

– Или по крайней мере его сообщником?

– Это действительно не исключено.
– Роланд, ко мне! – сказал Сальватор.

Пес подбежал к хозяину.

– Итак, Роланд, кто-то был здесь прошлой ночью, не так ли, песик?

Собака зарычала.

– Ищи, Роланд, ищи! – сказал Сальватор.

Роланд описал круг по поляне для того, чтобы обнаружить след, и рванулся в сторону ворот.

– Тубо, Роланд, тубо! – сказал Сальватор. – Не так быстро. Мсье Жакаль, пойдемте вслед за Роландом.

Господин Жакаль двинулся следом за Роландом со словами:

– Какая отличная ищейка, мсье Сальватор, какая отличная ищейка! Если он когда-нибудь вам надоест, я дам вам за него очень хорошую цену.

Пес, рыча, шел по следу.

Сделав двадцать шагов, он сделал крюк, а затем повернул налево.

– Пойдемте налево, мсье Жакаль, – сказал Сальватор.

Господин Жакаль подчинился, как автомат.

Сделав еще шагов двадцать, пес повернул направо.

– И мы пойдем направо, мсье Жакаль, – сказал Сальватор.

Господин Жакаль не заставил себя упрашивать.

Пробежав десяток метров, пес остановился в центре группы деревьев.

Сальватор приблизился к нему.

– Ага! – сказал он. – Тот, кто нес останки ребенка, решил было зарыть их здесь. Он даже ковырнул пару раз землю заступом. Но потом он нашел более надежное место и продолжил свой путь. Не так ли, Роланд?

Роланд заскулил и снова двинулся в сторону ворот.

Дойдя до решетки, он остановился и приналег на нее всем телом, стараясь открыть.

– Больше искать в парке не имеет смысла, – сказал Сальватор. – Труп был вынесен через ворота.

– Черт! Черт! – произнес господин Жакаль. – Ворота закрыты, и замок довольно крепкий.

– О! – сказал Сальватор, – сейчас мы отыщем что-нибудь вроде ломика и собьем этот замок. Хотя можно было бы и перелезть через стену точно так же, как мы сделали это для того, чтобы попасть в парк. А по ту сторону ворот мы снова возьмем след.

И Сальватор направился к стене с явным намерением взобраться на нее.

– Ладно! – сказал господин Жакаль, удержав его за полу редингота. – Я знаю более быстрый способ пройти.

И, вынув из кармана связку отмычек, он принялся колдовать над замком. С третьей попытки ворота распахнулись, как по мановению волшебной палочки.

Брезил прошел первым. И, как и предвидел Сальватор, сразу же взял след.

След шел вдоль стены, затем по прямой через поля вышел на тракт.

Когда они пошли по вспаханной земле, то увидели четкие отпечатки чьих-то ног.

– Вот! – сказал Сальватор. – Видите? Видите?

– Да, вижу, – сказал господин Жакаль. – Но, к несчастью, эти следы не имеют подписи.

– Ба! – сказал Сальватор. – Возможно, мы найдем подпись в конце следа.

Но след оборвался на тракте: это была мощеная королевская дорога шириной в семьдесят четыре фута.

Дойдя до мощенной булыжником дороги, Роланд остановился, поднял голову и завыл.

– Здесь его ждала карета, – сказал Сальватор. – Человек с трупом сел в нее здесь.

– И что же? – спросил господин Жакаль.

– Теперь я должен найти то место, где он из этой кареты вылез.

Господин Жакаль покачал головой.

– Ах, дорогой мсье Сальватор, – сказал он, – боюсь, что все ваши усилия будут напрасны.

– А я, мсье Жакаль, – ответил задетый за живое Сальватор, – уверен, что смогу это сделать.

Господин Жакаль ответил на это звуком, который должен был выражать сомнение.

– След утерян, – снова произнес он, – госпожа Жерар задушена, оба ребенка мертвы...

– Да, – сказал Сальватор, – но не оба ребенка умерли.

– Что?! Не оба ребенка умерли? – воскликнул господин Жакаль, стараясь изобразить самое неподдельное удивление. – Но ведь вы сами сказали мне, что мальчик был утоплен!

– Да. Но я также показал вам и следы крови девочки, которая спасалась от убийцы.

– И что с того?

– А то, что, пока Брезил душил эту славную мадам Жерар, девочка спасалась... и... спаслась.

– Да? – спросил господин Жакаль. – И она осталась в живых?

– Она жива.

– Это должно пролить свет на все это дело. Если, конечно, она все помнит.

– Она все прекрасно помнит.

– Эти воспоминания должны быть очень неприятны для этого ребенка, – покачивая головой, произнес господин Жакаль.

– Да, – сказал Сальватор. – Но, несмотря на всю вашу к ней жалость, дорогой мсье Жакаль, несмотря на все волнения, которые могут причинить ей эти воспоминания, вы допросите ее, поскольку речь идет о спасении жизни человека. Не так ли?

– Безусловно. Это мой долг.

– Это все, что мне сейчас хотелось бы знать. Теперь, видите, уже светает. Вы можете возвращаться в Париж, дорогой мсье Жакаль, я вас больше не смею задерживать.

И Сальватор сделал движение, словно собираясь перейти через придорожную канаву.

– А куда направляетесь вы? – спросил господин Жакаль.

– К карете, которую мы оставили на мосту Годо.

– Понятно! – сказал господин Жакаль. – Но пусть лучше карета сама подъедет к нам.

И, достав из бездонного кармана свисток, он поднес его к губам и так пронзительно свистнул в него, что этот звук можно было услышать за полверсты.

Господин Жакаль свистнул всего три раза.

Спустя пять минут послышался стук колес по булыжникам мостовой.

Подъехала карета господина Жакаля.

Мужчины уселись в карету.

А Роланд, словно он и не устал, помчался вперед.

В восемь часов утра карета проехала через заставу Фонтенбло.

– Позвольте я завезу вас домой, дорогой мсье Сальватор, нам по пути, – сказал господин Жакаль.

У Сальватора не было причин отказываться от любезного предложения господина Жакаля.

И он молча кивнул.

Карета остановилась у дома номер 4 на улице Макон.

– Надеюсь, – сказал господин Жакаль, – что в следующий раз нам повезет больше, дорогой мсье Сальватор.

– Я тоже на это надеюсь, – сказал в ответ Сальватор.

– До свидания! – произнес господин Жакаль.

– До свидания! – ответил Сальватор.

Сальватор вылез из кареты. Дверца захлопнулась, и карета покатила дальше.

– О! Демон! – произнес Сальватор. – Я подозреваю, что ты гораздо лучше меня знаешь, где находится труп этого бедного ребенка!

Произнося эти слова, он открыл дверь и вошел в дом.

– Ничего, – пробормотал он про себя, – остается еще Рождественская Роза.

И начал подниматься по лестнице вслед за Роландом.

– Это ты, друг мой? – спросил его нежный голосок сверху лестницы.

– Да, я! – воскликнул в ответ Сальватор.

И он бросился в объятия Фраголы.

На мгновение он забыл про разочарование, постигшее его ночью: это нежное объятие заставляло позабыть обо всем на свете.

Фрагола первой вернулась к реальности.

– Входи же, Сальватор, – сказала она. – Тебя с семи часов ожидает какая-то старушка. Она рыдает и не желает говорить мне, что ее так огорчило.

– Старушка! – воскликнул Сальватор. – Это же Броканта!

И он бросился в комнату.

– Рождественская Роза? – крикнул он с порога. – Что с Рождественской Розой?

– Увы! – ответила Броканта. – Сегодня утром, когда я вошла в ее комнату, я увидела, что окно открыто, а девочки в комнате нет.

– А! – вскричал Сальватор, ударяя себя по лбу. – Я должен был догадаться о том, что, поскольку я не нашел труп брата, кто-то постарается сделать так, чтобы и сестра исчезла!

Глава LXXVIII

Да здоровствует полнота!

Объясним теперь, почему не оказалось на месте труп, который напрасно искали в парке замка Вири Сальватор и господин Жакаль.

Мы помним о том, что, уходя от последнего, Сальватор повстречался с неким человеком, который, хотя погода не вынуждала принимать подобные предосторожности, был одет в огромный плащ со стоячим воротником, закрывающим его лицо.

И что этот человек, на которого Сальватор не обратил особого внимания, поднялся наверх и попросил объявить господину Жакалю о том, что пришел господин Жерар.

Это и на самом деле был господин Жерар.

По той стремительности, с которой он пересек двор, вошел в здание и поднялся до кабинета начальника тайной полиции, по той тщательности, с которой он прятал ту часть своего лица, которая осталась незакрытой ни полями шляпы, ни высоким стоячим воротником его редингота, всякий, кто бы его увидел, непременно отвернулся бы от него с презрением, признав в нем *шпики* в полном смысле этого слова.

Итак, как мы уже сказали, господину Жакалю доложили о том, что прибыл господин Жерар.

Дверь кабинета господина Жакаля открылась, и визитер проскользнул в комнату.

– Ах-ах! – сказал господин Жакаль. – Да это же наш достопочтеннейший мсье Жерар! Проходите, дорогой мсье, проходите же!

– Я вам не помешал? – спросил господин Жерар.

– Ну что вы! Как вы можете мне помешать? Никогда в жизни!

– Вы очень любезны, мсье, – произнес господин Жерар.

– Более того, я уже собрался было посылать за вами... Вы мне помешали! Скажете же такое! Вы, мой преданный друг, мой герой, мой любимец! Ну же, мсье Жерар, вы ведь пошутили, признайтесь честно!

– Мне показалось, что вы только что были заняты.

– Да, действительно, я только что распрощался с одним из ваших друзей.

– С одним из моих друзей... С кем же это?

– С господином Сальватором.

– Не знаю такого, – с удивлением ответил господин Жерар.

– Возможно. Зато он вас прекрасно знает. Так мне по крайней мере показалось.

– Я подумал, что вы собирались куда-то пойти.

– И вы надеялись тем самым уйти от предстоящего разговора, неблагодарный!

– Мсье Жакаль...

– Слушайте, положите вашу шляпу. У вас такой вид, будто вы готовы в любой момент убежать... Вот так... А теперь присядьте. Где вы сможете найти, черт возьми, дорогой мсье Жерар, найти более веселого и приятного собеседника, чем я? Неблагодарный! Не говоря уже о том, что в то время, как вы заботитесь о благе короля, я забочусь о вашем благе.

Да, я действительно собирался было уйти. Но вот вы здесь, и я остаюсь... Уйти! Да что вы! Я лучше пожертвую самыми интересными личными своими делами, чтобы иметь радость беседы с вами. Так что новенького вы можете мне рассказать, честнейший мсье Жерар?

– Ничего особенного, мсье.

– Тем хуже, тем хуже.

Господин Жерар покачал головой, словно желая сказать: «Никак не могу раскрыть заговор».

– Что еще? – спросил господин Жакаль.

– Вчера к вам должны были доставить человека, которого я велел арестовать перед кафе «Фуа».

– Что же он натворил?

– Вел недопустимую пронаполеоновскую пропаганду.

– Расскажите-ка поподробнее, дорогой мсье Жерар.

– Представьте себе...

– Сначала скажите, как его имя?

– Этого я не знаю, мсье... Вы понимаете, что было бы неосторожно с моей стороны подходить к нему и спрашивать его имя.

– Как он выглядел?

– Высокого роста, сильный, смелый. Был одет в длинный синий редингот, застегнутый на все пуговицы. В петличке у него была красная ленточка.

– Какой-то отставной офицер.

– Мне тоже так показалось. Особенно если принять во внимание его широкополую шляпу, решительно сдвинутую на один бок.

– Неплохо, мсье Жерар, для новичка совсем неплохо, – пробормотал господин Жакаль. – Увидите, что мы из вас сможем кое-что сделать. Продолжайте.

– Он вошел в кафе. Его облик показался мне подозрительным, и я пошел вслед за ним.

– Хорошо, мсье Жерар, хорошо!

– Он сел за столик и потребовал подать ему полчашки кофе и графинчик водки. При этом он громко произнес: «Не могу пить другого кофе, кроме сорта «Глория». Я очень люблю «Глорию!» И стал осматриваться вокруг в надежде, что кто-нибудь ему ответит.

– Но ему никто не ответил?

– Никто... Потом, решив, что того, что он сказал, недостаточно, он снова произнес: «Да здравствует «Глория!»

– Черт! Черт! Черт! – сказал господин Жакаль. – Тут же все ясно. Говоря «Да здравствует „Глория”», он хотел сказать: «*Да здравствует слава!*»

– Именно так я и подумал. А поскольку нами правит наше родное правительство и нет никакого повода кричать «Да здравствует слава!», этот человек показался мне еще более подозрительным.

– Отлично!.. Бандит с Луары...

– Я уселся за столик напротив него, чтобы все видеть и все слышать.

– Браво, мсье Жерар!

– Он попросил принести ему газету...

– Какую?

– Ах, вот этого я не знаю.

– И в этом ваша ошибка, мсье Жерар.

– Полагаю, что это была «*Конститюсьонель*».

– Это была именно «*Конститюсьонель*».

– Вы так считаете?

– Я уверен в этом.

– Если вы в этом уверены, мсье Жакаль...

– Итак, он попросил «*Конститюсьонель*»... Продолжайте.

– Значит, он попросил «*Конститюсьонель*». Но это было с его стороны чистое бахвальство, поскольку то ли по случайности, то ли специально, но он постоянно держал газету вверх ногами. До тех пор, пока в кафе не вошел один из его приятелей.

- Как вы узнали, что это был один из его приятелей, мсье Жерар?
- Этот человек был с ног до головы одет точно так же, как и тот, который показался мне подозрительным. Но он был более морщинист.
- Продолжайте, мсье Жерар. Итак, это был, несомненно, его приятель.
- Это было тем более понятно, что вновь вошедший направился прямо к тому, кто сидел за столиком, и протянул ему руку.
- «Здравствуй», – сказал первый грубым голосом.
- «Здравствуй», – ответил второй точно таким же голосом. – Ты получил наследство?»
- «Я?»
- «Да, ты»
- «С чего это ты взял?»
- «Черт возьми! Ты во всем новом!»
- «Да это меня жена так разодела по случаю праздника».
- «А я-то думал, что ты получил деньги».
- «Нет. И мне кажется, что нам еще придется некоторое время брать кредит у нашего корреспондента в Вене».
- Герцог Рейхштадский, – произнес господин Жакаль.
- И я тоже так подумал, – сказал господин Жерар.
- «Знаешь, – снова произнес первый военный, – что оный корреспондент в Вене чуть было не вернулся в Париж?»
- «Знаю, – ответил второй, – но ему помешали».
- «То, что отложено, не потеряно».
- Гм-гм! Мсье Жерар, и это, по-вашему, «ничего особенного»? Но мне то, о чем вы только что рассказали, уже кажется много. А если вы добавите еще что-то...
- Сейчас добавлю, мсье.
- Ах, так? Продолжайте же, мсье Жерар!
- И, показывая свое удовлетворение, господин Жакаль достал табакерку и втянул носом табак.
- Господин Жерар продолжал:
- Первый офицер сказал: «Честное слово, отличный редингот!»
- И провел ладонью по материи.
- «Отличный», – с гордостью ответил второй.
- «Какой прекрасный ворс».
- «А ведь обыкновенное, казалось бы, сукно».
- «Кажется, немного широковат».
- «Что? Широковат?»
- «Я говорю: твой редингот кажется мне несколько широковатым для солдата...»
- Это доказывает, – заметил господин Жакаль, – что он был военным и что вы не ошиблись в своих предположениях, мсье Жерар.
- «Почему же это – широковат? – ответил офицер. – Одежда никогда не бывает слишком просторной. Мне нравится все большое. Я люблю все широкое. Да здравствует император!»
- Да здравствует император? Как это – да здравствует император? Какая тут связь с рединготом?
- Я знаю, что связи тут никакой не прослеживается, – ответил, слегка замаявшись, господин Жерар, – но я собственными ушами слышал, как он произнес: «Да здравствует император!»
- Господин Жакаль с шумом втянул ноздрей вторую понюшку табака.
- Допустим, что он и впрямь крикнул «Да здравствует император!».

– Да, допустим, – сказал господин Жерар, поставленный в крайне затруднительное положение. – Сами понимаете, услышав этот крамольный призыв, на который обернулись несколько человек, я вышел из кафе.

– Понимаю.

– У дверей кафе я увидел двух полицейских. Описав им внешность смутьяна, я отошел в сторону и увидел, как они схватили его за шиворот.

– Браво, мсье Жерар! Но все же удивительно, что я не видел этого человека и никто мне об этом не доложил.

– И все же я уверяю вас, мсье Жакаль, что этот человек был арестован.

Господин Жакаль позвонил.

На пороге появился дежурный пристав.

– Попросите ко мне Жибасье, – сказал ему господин Жакаль.

Пристав ушел.

Прошло пять минут, в течение которых господин Жакаль рылся в лежавших на столе бумагах.

В комнату вошел пристав.

– В чем дело? – спросил его господин Жакаль.

– Мсье Жибасье ждет у дверей.

– Пусть войдет.

– Он говорит, что вы не один.

– Правильно... Господин Жибасье, как и вы, мсье Жерар, человек очень застенчивый и не любит, чтобы его выдели у меня. Не поверите, но он – словно фиалка: узнать ее можно только по запаху... Пройдите вот в эту комнату, мсье Жерар.

Господин Жерар, не меньше господина Жибасье желавший, чтобы никто не увидел его в кабинете господина Жакаля, быстро прошел в соседнюю комнату и плотно закрыл за собой дверь.

– Входите, Жибасье! – крикнул господин Жакаль. – Я один!

Жибасье вошел. Лицо его, как всегда, сияло.

– Как такое может быть, Жибасье? – спросил его господин Жакаль. – Вчера был задержан опасный преступник, а мне ничего про это не известно!

Жибасье вытянул шею и широко раскрыл глаза, словно спрашивая: «Объяснитесь».

– Вчера, – продолжал господин Жакаль, – был арестован некий человек, который кричал: «Да здравствует император!»

– Где же это, мсье Жакаль?

– В кафе «Фуа», мсье Жибасье.

– В кафе «Фуа»? Но тот человек не кричал «Да здравствует император!».

– А что же он кричал?

– Он кричал «Да здравствует полнота!»³

– Вы ошибаетесь, мсье Жибасье.

– Позвольте вам сказать, я знаю, что говорю.

– Но откуда вы можете это знать?

– Да ведь этим человеком был я, – сказал Жибасье.

Господин Жакаль поднял очки и посмотрел на Жибасье одной из только ему свойственных улыбок.

– Вот что значит, – произнес наконец господин Жакаль, – организовать двойной надзор! Подобной мистификации больше не должно повториться!

³ Г-н Жерар не расслышал и принял одно слово за другое. Получилось, что Жибасье крикнул «Да здравствует полнота!» (Vive L'ampleur!), а г-н Жерар понял как «Да здравствует император!» (Vive L'empereur!). (Примеч. пер.)

И он подошел к двери комнаты, в которой скрылся господин Жерар.

– Эй, мсье Жерар, – сказал он. – Вы можете выйти!

– Так вы один? – спросил господин Жерар из-за двери.

– Один, или почти один, – ответил господин Жакаль.

Господин Жакаль вышел. Как всегда скромно, бочком.

Но едва увидев Жибасье, он сделал шаг назад.

– О! – произнес он. – А это кто?

– Этот мсье?

– Да.

– Вы узнаете его?

– Конечно!

И, наклонившись к господину Жакалю, прошептал ему на ухо:

– Это тот самый офицер из кафе «Фуа».

Господин Жакаль взял господина Жерара за руку.

– Дорогой мсье Жерар, – сказал он. – Представляю вам мсье Жибасье, заместителя командира бригады.

Затем, обращаясь к Жибасье.

– Дорогой мой Жибасье, – продолжил он, – представляю вам мсье Жерара, одного из моих самых преданных агентов.

– Жерар? – произнес Жибасье.

– Да. Это тот самый, известный вам почтеннейший мсье Жерар из Ванвра.

Жибасье поклонился с некоторым почтением и, пятясь, вышел из кабинета.

– Что значит, «известный вам»? – спросил, побледнев, господин Жерар. – Значит, Жибасье все известно?..

– Абсолютно все, дорогой мсье Жерар!

Лицо убийцы стало смертельно бледным.

– Но пусть это вас не волнует, – сказал господин Жакаль. – Жибасье – это мое второе я.

– О, мсье, – пробормотал шпион. – Но почему вы представили меня этому человеку?

– Прежде всего потому, что однополчане должны знать друг друга.

И добавил таким тоном, что каждый слог пронзал сердце господина Жерара:

– А кроме того, он ведь должен знать вас в лицо, чтобы освободить вас, если кто-нибудь из недотяп арестует и вас!

При мысли о том, что его могли арестовать, господин Жерар рухнул в вольтеровское кресло господина Жакаля.

Господин Жакаль не был человеком обидчивым. И поэтому, позволив господину Жерару занять свой трон, уселся напротив него на простом стуле.

Глава LXXIX

Добрый совет

Господин Жакаль дал господину Жерару несколько секунд на то, чтобы тот пришел в себя.

Вскоре господин Жерар медленно поднял на него глаза.

Господин Жакаль пожал плечами.

– Что тут поделаешь? – сказал он ему с добродушной улыбкой на лице. – Снова сорвалось!

– Что сорвалось? – спросил господин Жерар.

– Проклятье! Да орден Почетного легиона.

Следует признать, что бедный господин Жерар об этом больше и не думал.

– Ну, – сказал господин Жакаль, – вам нечего мне больше сказать, ничего нового и более серьезного?

– Нет, мсье, честное слово, больше нечего.

– Черт! Черт! Черт!.. Тогда я скажу вам нечто, что вас, вероятно, заинтересует.

И господин Жакаль, подняв на лоб очки, взглянул на собеседника своими рысьими глазами. От этого пронизывающего взгляда тот побледнел помимо своей воли.

Господина Жерара полицейский не мог тронуть по приказу сверху. Но господин Жакаль не мог из-за этого отказать себе в удовольствии потерзать его морально. Если он ничего не мог поделать с чистой и стоической душой господина Сарранти, который находился за решеткой и с минуты на минуту ждал приближения смерти, то он мог сделать все, что хотел, с разгуливающим на свободе и пользующимся всеобщим уважением господином Жераром.

Именно это и чувствовал господин Жерар. И именно поэтому он побледнел под пристальным взглядом господина Жакаля.

Всякий раз он выходил из здания на Иерусалимской улице, как после пыток.

Разница заключалась лишь в том, была ли это обычная пытка или пытка с пристрастием.

Побледнев, господин Жерар стал внимательно слушать, что же именно должно было его заинтересовать.

Но кошка цепко держала мышку в когтях и могла позволить себе немного поиграть с жертвой.

Господин Жакаль достал из кармана табакерку, сунул в нее два пальца и, взяв огромную понюшку табаку, с наслаждением втянул ее ноздрями.

Господин Жерар не посмел попросить полицейского поскорее изложить суть дела и сидел с покорностью, в которой, однако, проглядывало и некоторое нетерпение.

– Известно ли вам, дорогой мсье Жерар, – произнес наконец господин Жакаль, – что ровно через восемь дней заканчивается отсрочка казни, которую король Карл X дал Сарранти?

– Я это знаю, – прошептал господин Жерар, бросив на господина Жакаля взгляд, полный тревоги.

– Вам также должно быть известно и то, что аббат Доминик вернется в Париж послезавтра... завтра, а вполне возможно, и сегодня?

– Да! Да, мне и это известно, – ответил филантроп, дрожа всем телом.

– О! Коль вы начинаете так дрожать уже при первых моих словах, дорогой мсье Жерар, вы, несомненно, потеряете сознание, когда я перейду к сути дела. И, упав в обморок, не

сможете услышать того, что я намерен вам сказать и что является, возможно, самым интересным.

– Что поделать? – сказал господин Жерар. – Это сильнее меня!

– Слушайте, ну почему вы так опасаетесь возвращения аббата Доминика? Я ведь вам уже сказал, что папа римский откажет ему в его просьбе!

Господин Жерар вздохнул.

– Вы так полагаете? – спросил он.

– Мы знаем Его Святейшество Григория XVI. Это – железный человек.

Дыхание господина Жерара становилось все более и более свободным.

Господин Жакаль дал ему возможность наполнить легкие воздухом.

– Нет, – сказал он, – с этой стороны никакая опасность вам не грозит.

– Ах, господи! – прошептал господин Жерар. – Значит, мне грозит еще какая-то опасность?

– О! Дорогой мсье Жерар! Вы так слабы в философии, что не знаете того, что человек – существо слабое, что ему приходится постоянно бороться со всем, что его окружает, что у него нет ни минуты покоя, когда он видит непрекращающиеся опасности, через которые ему приходится продираться и от которых он избавляется только чудом!

– Увы! – прошептал господин Жерар. – В ваших словах, мсье Жакаль, заключена великая правда.

– Коль скоро вы это признаете, – снова произнес господин Жакаль, благодарно кивнув, – мне хотелось бы задать вам один вопрос.

– Задавайте, мсье, задавайте.

– Поэты, мсье Жерар... Чертово отродье, не так ли?

– Я с ними не знаком, мсье. Полагаю, что меня можно упрекнуть только в том, что я прочел за всю мою жизнь всего три-четыре стихотворения.

– Так вот, поэты утверждают, что иногда мертвые встают из своих могил. Вы в это верите?

Господин Жерар пробормотал что-то неразборчивое и задрожал еще сильнее.

– Я до сих пор в это не верил, – снова произнес господин Жакаль. – Но не так давно произошла одна история, которая так просветила меня на этот счет, что теперь я готов защитить по этому вопросу диссертацию. Нет, сами они из могил не выходят. Но их вполне можно оттуда извлечь.

Господин Жерар стал еще бледнее.

– Вот эта история. Вы сами сможете ее оценить. Некий человек вашего темперамента, с таким же, как у вас, характером, короче, с таким же складом души, некий филантроп, будучи в плохом расположении духа – увы, никто не совершенен, дорогой мсье Жерар, мне это известно лучше, чем кому бы то ни было, – утопил своего племянника. Не зная, что делать с трупом, – а кто знает, что надо делать с трупами? именно это и губит тех, кто делает людей трупами... – так вот, не зная, что сделать с трупом, он зарыл его в чаще своего парка.

Господин Жерар застонал и поник головой.

– И он полагал, что спрятал труп достаточно хорошо. Так оно и есть, но земля не всегда хранит доверенную ей тайну. И случилось так, что сегодня утром один человек – а он вышел от меня перед тем, как сюда вошли вы! – пришел ко мне и сказал буквально следующее:

«Господин Жакаль, через восемь дней будет казнен невиновный!»

– Вы понимаете, что я все отрицал, дорогой мсье Жерар, что я ответил ему, что человек не может быть невиновным после того, как вынесено решение суда о его виновности. Но он заставил меня замолчать следующими словами:

«Тот, кого собираются казнить, невиновен. И я знаю настоящего преступника».

Господин Жерар уткнулся лицом в ладони.

– Я продолжал все отрицать, – снова произнес господин Жакаль. – Но этот человек снова остановил меня и сказал:

«Вы могли бы поехать со мной кое-куда ночью?»

«Могу, конечно», – ответил ему я.

«Сегодня ночью?»

«Нет, сегодня ночью я занят».

«А завтра?»

«Завтра ночью я свободен... Поедем на экскурсию?» – спросил я на всякий случай.

«Да, на экскурсию».

– Вы понимаете, что я хотел выяснить, куда он меня собрался везти.

«По Парижу или за город?»

«За город».

«Хорошо».

– И мы с ним условились, что не сегодня, а завтра ночью он представит мне доказательство того, что меч правосудия готов обрушиться не на голову преступника, продолжающего разгуливать на свободе, а на голову совершенно ни в чем не повинного человека.

– Значит, – пробормотал господин Жерар, – вы согласились поехать на эту экскурсию?

– А что мне оставалось делать? Я у вас спрашиваю – вы ведь человек рассудительный. Вы же знаете, в чем состоят мои обязанности. Прюдон написал на эту тему картину: «*Правосудие, преследующее Преступление*». Вам известен мой девиз, он такой же, как и девиз женевого философа: «*Vitam impendere vero*»⁴. Я был вынужден сказать: «Я поеду».

– И вы поедете?

– Черт возьми! Я должен ехать, меня же вызвали. Но, как я вам уже сказал, поеду не сегодня ночью, а завтра... Завтра ночью, вы меня слышите?

– Да, – ответил господин Жерар, который все слышал, но ничего не понимал, поскольку зубы его стучали, словно кастаньеты.

– Ага! Я так и знал, – сказал господин Жакаль, – что вас мой рассказ заинтересует.

– Но скажите, мсье, зачем вы мне все это рассказали? – пробормотал господин Жерар, делая над собой усилие. – Какую цель преследовали, доверяя мне эту тайну?

– Какую цель? Как?! Вы не понимаете?.. Я просто подумал: «Господин Жерар – филантроп. Когда он узнает о том, что какому-то бедняге угрожает опасность, о которой я ему рассказал, он поставит себя на место этого бедолаги, этого несчастного убийцы, этого незадачливого душегуба. Он почувствует все его муки, словно бы он сам повинен в этом убийстве». И мне кажется, я не ошибся в своих предположениях, не так ли, дорогой мсье Жерар?

– О, нет!.. О, нет!.. – вскричал тот.

– Хорошо, это вынуждает меня продолжить свою мысль. Итак, завтра в полночь я уезжаю с этим, другим, филантропом... Ах, как он не похож на вас, мсье Жерар! Ведь и филантропия может быть разной. Как говорил Мольер, вязанка вязанке рознь. Я еду с ним. Не знаю, куда мы с ним направимся, поскольку он мне ничего на этот счет не сказал. Но с той прозорливостью, которая у меня выработалась за долгие годы службы, я полагаю, что куда-то в сторону Кур-де-Франс.

– Кур-де-Франс?

– Да... Прибыв туда, мы повернем направо или налево. Скорее всего направо. И войдем не знаю куда, но вполне вероятно в какой-нибудь парк. И там мы обнаружим в какой-то яме некий скелет. Составим протокол, а потом принесем этот печальный плод наших трудных поисков господину королевскому прокурору, который будет вынужден в силу появления

⁴ «*Vitam impendere vero*» (лат.) – «Жизнь отдать за правду». (Прим. изд.)

новых обстоятельств и улик попросить у господина министра юстиции отложить исполнение смертного приговора, вынесенного господину Сарранти.

– Господину Сарранти? – воскликнул господин Жерар.

– Разве я сказал господину Сарранти? Это имя вырвалось у меня, сам не знаю почему. Имя этого бедняги постоянно вертится у меня на языке... Итак, казнь будет отложена. Будет вынесено постановление об аресте настоящего преступника, начнется новое расследование... Вы понимаете меня, не так ли?

– Прекрасно понимаю, – ответил господин Жерар.

– И положение станет угрожающим для этого несчастного убийцы, бедолаги-душегуба, – сказал господин Жакаль. – Потому что войдите в его положение: он спокойненько разгуливает себе под солнцем, засунув руки в карманы, свободный, как ветер. И вдруг к нему заявятся презренные жандармы, уведут его из света во тьму камеры. Они вытащат его руки из карманов и наденут на них наручники. Он увидит, как рассыплется его спокойная невинность, исчезнет привычная безмятежность. И все это произойдет из-за какой-то банальной формальности, из-за ничтожной ошибки. И тогда он раскается в том, что не воспользовался лазейкой к спасению, которую я ему любезно предоставил.

– Но значит, такая лазейка есть?

– Честно говоря, дорогой мсье Жерар, – сказал полицейский, – я начинаю считать, что у вас очень толстый череп, тупой мозг и очень короткая память.

– О, боже мой! – воскликнул достопочтеннейший господин Жерар. – Но я ведь слушал вас очень внимательно.

– И это лишний раз доказывает, – произнес господин Жакаль, – что результат не всегда зависит от способностей. Не говорил ли я вам, что я отказался отправляться на экскурсию сегодняшней ночью?

– Говорили.

– И что я отложил ее на завтрашнюю ночь?

– И это говорили.

– Так что же дальше?

Господин Жерар разинул рот и ждал, что будет дальше.

– Честно говоря, – сказал господин Жакаль, пожимая в недоумении плечами при виде такой глупости, – это азы искусства. И надо быть таким честным человеком, как вы, чтобы это не сообразить сразу же.

Господин Жерар сделал головой и руками какие-то непонятные отчаянные движения, которые в сочетании с вырывавшимися из его глотки звуками должны были, очевидно, означать: «Продолжайте».

– Бог мой, я прекрасно знаю, что вас все это не волнует, – продолжал господин Жакаль. – Что вам нет никакого резона укрывать убийцу. Но представьте на мгновение – как бы невероятно это ни казалось, – что это преступление было совершено не кем-то другим, а вами. Что труп зарывал не кто-то другой, а именно вы. Представьте себе, что вся эта драма произошла в вашем поместье... В замке Вири, например... Представьте, что вы знаете заросли кустарников и то самое дерево, под таинственной сенью которого спрятан труп. Представьте, что вы знаете о том, что завтра или послезавтра ночью в замок Вири нагрянет представитель правосудия и в парке развернутся поиски. Ну, так что бы вы сделали в ночь, которую любезно предоставил в ваше распоряжение ваш друг? К примеру, сегодняшней ночью?

– Что бы я сделал?

– Да.

– Для того, чтобы там ничего не нашли?..

– Да, труп ребенка.

– Мне надо было бы...

Господин Жерар вытер покрывшееся крупными каплями пота лицо.

– Ну же, заканчивайте свою мысль! Итак, вы бы?..

– Я бы его вы...

– Вы?..

– Вырыл оттуда и спрятал в другое место.

– Слава богу!.. Ах, дорогой мсье Жерар, до чего же вы медленно соображаете! Вам нужно развивать свой ум, больше гулять по полям, дышать ночным воздухом. Посему на сегодня я с вами прощаюсь. Встретимся послезавтра. День сегодня будет прекрасным: это просто находка для любителя природы. Отправляйтесь-ка за город. И если где-нибудь в лесу под Медоном или Ванвром вы случайно повстречаете – в лесу всегда прячутся такие грешники, как он – этого беднягу-душегуба, вы, надеюсь, со свойственным вам милосердием предупредите его о том, что ему угрожает эта маленькая опасность!

– Я вас понял! – вскричал господин Жерар, целуя руку полицейского. – Спасибо!

– Фи! – сказал господин Жакаль и брезгливо отстранил от себя убийцу. – Вы, значит, полагаете, что я все это делаю для того, чтобы спасти вашу презренную голову? Ступайте, ступайте, я вас предупредил. Остальное ваше дело.

Господин Жерар вылетел из кабинета господина Жакаля.

– Пфу! – произнес тот, глядя, как за убийцей закрылась дверь.

Глава LXXX

Кучер, принимающий меры предосторожности

Господин Жерар пулей вылетел из дома на Иерусалимской улице.

Выскочив на набережную, он подскочил к свободной наемной карете и крикнул кучеру:

– Работа почасная. Плачу десять франков за час, если ты будешь ехать со скоростью два лье в час!

– Идет... Куда ехать, хозяин?

– В Ванвр.

Через час они уже были в Ванвре.

– Вас подождать, хозяин? – спросил кучер, которого условия найма очень устраивали.

Господин Жерар на мгновение задумался. Дома у него были и лошади, и карета, но он опасался, что его кучер может оказаться чрезмерно любопытным и болтливым. И поэтому подумал, что лучше было иметь дело с посторонним человеком, с которым никогда больше не увидится после того, как заплатит ему деньги за проезд.

И он решил не отпускать возницу.

Но для того, чтобы не вызывать у него подозрений, он решил договориться о новой цене. Ему показалось, что с его стороны уже было неосторожным гнать карету на большой скорости. И он решил, что второй ошибки он не допустит.

– Спасибо, – сказал он. – Я всего на несколько минут разминулся с человеком, который был мне нужен. Он уехал в Вири-сюр-Орж.

– Тем хуже, хозяин, – сказал кучер, – тем хуже!

– Но мне все-таки хотелось бы сегодня с ним увидеться! – пробормотал господин Жерар, словно рассуждая сам с собой.

– Так я вполне мог бы отвезти вас в Вири-сюр-Орж, хозяин. Всего-то делов на семь лье. Мигом долетим.

– Да, конечно! Но вы понимаете, – сказал господин Жерар, – на маленьких каретах я могу доехать до Вири-сюр-Орж за три франка.

– Дело в том, что я-то вас за три франка туда не повезу. А что касается маленьких карет, смотрите сами: там вам придется сидеть с кем попало, а в моем фиакре вы будете чувствовать себя как дома.

– Я знаю, знаю, – сказал господин Жерар, которому хотелось чувствовать себя как дома. – Это стоит обсудить.

– Ну, так сколько вы дадите, хозяин, бедному Барнабе за то, что он довезет вас до Вири?

– Но меня надо еще будет оттуда привезти назад.

– Привезем.

– И подождать меня там.

– Подождем.

– И сколько за все про все?.. В разумных, конечно, пределах?

– Туда-обратно за тридцать франков.

– А за ожидание?

– Скажем так: час ожидания обойдется вам в сорок су. Надеюсь, возражений не будет?

Возражать действительно не приходилось. На всякий случай господин Жерар поторговался из-за пяти франков, и вскоре они ударили по рукам: дорогу туда и обратно за двадцать пять франков плюс по сорок су за каждый час простоя.

Договорившись о цене, господин Жерар взял дома ключи от замка Вири, дав передохнуть лошадям мэтра Барнабе, снова уселся в карету.

– Едем через Фроменто? – спросил кучер.

– Если хотите, то поедem через Фроменто, – ответил господин Жерар, которого мало интересовало, какой ехать дорогой. Главным для него было приехать на место.

Кучер пустил лошадей в галоп.

Мэтр Барнабе был человек честный и деньги свои хотел заработать честным путем.

И, следовательно, господин Жерар прибыл в Вири еще засветло и никак не мог при свете дня приступить к печальной эксгумации, ради которой он и прибыл в замок.

Господин Жерар, тщательнее, чем когда-либо, надвинув шляпу на глаза, вышел из кареты, оставив кучера у трактира и велел ему ждать его до одиннадцати часов вечера.

Ровно в одиннадцать тот должен был стоять у ворот замка.

Господин Жерар открыл ключом ворота, запер их за собой, избежав взглядов дюжины ребятишек и нескольких старух, чье внимание было привлечено стуком колес кареты.

Можно понять то волнение, которое испытывал наш филантроп, снова оказавшись в поместье брата, где он убил своего племянника.

Посему мы не станем описывать, как сжалось его сердце, когда он поднялся на крыльцо и вошел в этот роковой дом.

Проходя мимо озера, он отвернул голову в сторону.

Закрыв за собой дверь вестибюля, он был вынужден опереться спиной о стену: силы отказали ему.

Затем он поднялся в свою комнату.

Как мы помним, окна этой комнаты выходили на пруд.

Именно из этих окон он видел тогда, как Брезил бросился в воду и вытащил из пруда тело маленького Виктора.

Чтобы не видеть пруд, он решил задернуть шторы.

Но от этого в комнате стало совсем темно.

И он не посмел остаться в этой темной комнате.

На полке камина стояли два подсвечника с наполовину сгоревшими свечами.

Господин Жерар предусмотрительно захватил с собой фосфорное огниво.

И с его помощью зажег свечи.

После этого, немного успокоившись, он стал дожидаться наступления темноты.

К девяти часам вечера на улице совсем стемнело, и он подумал, что настала пора начать боевые действия.

Прежде всего ему надо было найти заступ.

Заступ мог быть в кладовке для садовых инструментов.

Господин Жерар спустился вниз и оказался перед прудом, сверкавшим в темноте словно зеркало из полированной стали. Затем он пошел по узенькому проходу, который вел к огороду. Там он принялся искать необходимый ему шанцевый инструмент.

Кладовка для инструментов была заперта на ключ. А ключа на месте не оказалось.

К счастью, в кладовке было окно.

Господин Жерар приблизился к окну с намерением разбить стекло, открыть шпингалет и влезть в кладовку через окно.

Но, уже приготовившись разбить стекло, он вдруг остановился, испугавшись того, что звон стекла может быть кем-то услышан.

Этот бедняга всего боялся!

Несколько минут он простоял в нерешительности, положив руку на сердце.

Оно готово было вырваться из груди.

Так прошло более четверти часа.

Наконец он вспомнил о том, что на пальце у него был перстень с бриллиантом.

После того как драгоценный камень с писком прошелся по четырем сторонам стекла, господину Жерару оставалось только толкнуть стекло пальцем, чтобы оно упало внутрь кладовки для инструментов.

Он выждал несколько секунд, ткнул ладонью стекло и просунул руку в образовавшееся отверстие.

Шпингалет повернулся на своей оси, и окно приоткрылось.

Господин Жерар огляделся вокруг, чтобы убедиться в том, что никто его не видит, и перебросил ногу через подоконник.

Оказавшись внутри домика, он принялся на ощупь искать нужный ему инструмент.

Перешунав несколько черенков, он нащупал наконец черенок заступа.

И обрадовался своей удаче.

Взяв заступ в руки, он проделал все операции в обратном порядке.

Часы пробили десять раз.

Тут он решил, что сможет быстрее выйти через ворота парка, выходящие к мосту Годо, чем снова проходить мимо этого проклятого пруда, который так и притягивал его взор и который будет, естественно, притягивать его еще сильнее после той ужасной работы, которую он намеревался выполнить.

Но тут же принял другое решение.

Он подумал, что лучше было сказать кучеру, чтобы тот ждал его не как он велел раньше, у парадных ворот, выходящих в деревню, а у ворот, которые выходили на поле.

Господин Жерар снова открыл эти ворота, спрятал заступ и вдоль домов прошел к кабаре.

По пути он снова изменил свое решение.

Стоящая перед воротами парка карета могла бы вызвать подозрение, поскольку всем в деревне было известно, что в замке никто не живет.

И поэтому гораздо разумнее было сказать кучеру, чтобы тот ждал его на тракте, ведущем в Фонтенбло, в сотне метров в стороне от Кур-де-Франс.

Подойдя к трактиру, господин Жерар заглянул в окно.

И увидел, что его возница пьет вино и играет в карты с ломовыми извозчиками.

Господину Жерару очень не хотелось показываться в кабаке, где его могли узнать, хотя он и ужасно изменился с тех пор, как покинул Вири.

Но поскольку Барнабе не мог никак догадаться о том, что он был за окном и хотел ему что-то сказать, господину Жерару волей-неволей пришлось открыть дверь и сделать кучеру знак, чтобы тот вышел к нему на улицу.

Прежде чем господин Жерар принял такое решение, прошло минут пятнадцать.

Все это время он надеялся на то, что кто-нибудь выйдет на улицу и тогда он сможет попросить его передать Барнабе, что его пассажир очень хочет с ним поговорить.

Но никто так и не вышел.

Поэтому господину Жерару пришлось самому войти в трактир.

Говоря *войти*, мы выражаемся не совсем точно: господин Жерар в трактир не вошел; приоткрыв дверь, господин Жерар позвал дрожащим голосом:

– Мсье Барнабе!

Господин Барнабе был поглощен картами. И господину Жерару пришлось трижды повторить свой призыв, каждый раз все более громким голосом.

Наконец мэтр Барнабе оторвал нос от своих карт.

– Ах-ах! – сказал он. – Это вы, хозяин?

– Да, я, – сказал господин Жерар.

– Мы уже уезжаем?..

– Пока нет.

– Вот хорошо-то! Бедные животные еще не достаточно отдохнули!

– Нет, я пришел не для этого.

– А в чем тогда дело?

– Мне надо сказать вам пару слов.

– Имеете полное право. Я сейчас.

И он встал и направился к двери, толкая по пути столько игроков, сколько можно было задеть.

Все пьяницы, кого он задел по пути, быстро повернулись к входной двери.

Господин Жерар резко отступил в темный коридор.

– Ох-ох! – произнес один из завсегдатаев трактира. – Ваш хозяин, что же, считает зазорным войти в это приличное заведение?

– Это, наверное, какой-то молодой влюбленный! – со смехом ответил другой.

– Тогда бы он просунул в дверь не голову, а колено, – сказал третий.

– Дурень! – возразил первый. – Ведь он же разговаривал.

– И что с того?

– Колено говорить не может.

– Вот и я, хозяин, – сказал Барнабе. – Чем могу вам служить?

Господин Жерар объяснил ему, что в его планах произошли изменения и поэтому он просил ждать его на большаке, а не у парадных ворот замка.

Речь господина Жерара неоднократно прерывалась междометиями типа «хм-хм!».

Господин Жерар понял, что изменения в первоначальном плане чем-то не понравились мэтру Барнабе.

Когда он закончил говорить, Барнабе спросил его:

– А если так случится, что мы не найдем друг друга на большаке?

– Что значит «не найдем друг друга на большаке»?

– Если, к примеру, вы пройдете мимо и не заметите меня?

– Ну, этого бояться не надо: у меня отличное зрение.

– Понимаете ли, есть люди, у которых зрение сразу ослабевает, когда они вспоминают о том, что в два часа дня они наняли карету и что должны кучеру пятьдесят франков. Я знавал таких молодцов – я не вас имею в виду, боже упаси! Вы похожи на самого честного человека из тех, кого носит земля! – так вот я и говорю, я знавал таких молодцов, которые, проехдив со мной целый день, заставляли меня часов в пять-шесть вечера останавливаться у проезда Дофины или у проезда Веро-Дода и говорили: «Ждите меня здесь, извозчик, я сейчас вернусь».

– И что? – спросил господин Жерар.

– А то... они не возвращались.

– О! – сказал господин Жерар. – Я на такое не способен, дружок...

– Я вам верю, верю. Но, понимаете ли, все же...

– Друг мой, – сказал господин Жерар, – а что вы на это скажете?

И, достав из кармана два луидора, он протянул их мэтру Барнабе.

Мэтр Барнабе при свете, который лился из приоткрытой двери, сумел убедиться в том, что золотые были не фальшивыми.

– Я буду ждать вас в ста метрах за Кур-де-Франс в одиннадцать часов, как условлено. Уж коль вы заплатили вперед, какие могут быть возражения?

– Я хочу вас спросить об одной вещи.

– О чем же?

– А если... Если...

Господин Жерар не решался закончить мысль.

– Что если?

- Если я не смогу вас найти?
- Где?
- На большаке.
- Почему же это вы не сможете меня найти?
- Потому что я уплатила вам вперед...
- Ах, ты! Вы, значит, не доверяете Барнабе?
- Но ведь и вы не очень-то мне доверяете!
- У вас нет регистрационного номера, а у меня есть... Да еще какой! Номер, который приносит счастье тому, кто смотрит, как карета проезжает мимо. Номер 1.
- Было бы лучше, – сказал господин Жерар, – чтобы он приносил счастье тем, кто сидит в ней.
- И им он тоже приносит счастье. Номер первый приносит счастье всем!
- Тем лучше, тем лучше, – сказал господин Жерар, стараясь унять восторг кучера по поводу первого номера его фиакра.
- И поскольку вы хотите, чтобы я ждал вас начиная в одиннадцать часов на большаке, я буду вас там ждать.
- Хорошо, – сказал господин Жерар тихо.
- В сотне шагов за Кур-де-Франс. Так?
- Да-да, – сказал господин Жерар, – именно так, друг мой. Но ни к чему об этом кричать.
- Все правильно, молчу! Ведь у вас есть свои причины скрываться...
- Да нет у меня никаких на это причин! – сказал господин Жерар. – Зачем бы мне, по-вашему, было скрываться?
- О! Меня это не касается. Вы мне заплатили, я никого не видел и ничего не слышал. В одиннадцать часов я буду ждать вас в условном месте.
- Я постараюсь сделать так, чтобы вы меня ждали там недолго.
- О! Я могу и подождать. И жаловаться не стану. Вы платите мне за все. Если хотите, я отвезу вас в долину Йосафата, и вы, возможно, будете единственным, кто явится на последний суд на фиакре.
- И, довольный своей остротой, мэтр Барнабе захохотал и вернулся в трактир. А господин Жерар, вытерев со лба пот, снова отправился в замок.

Глава LXXXI

Предмет, который трудно спрятать

Господин Жерар пошел через незапертые ворота и нашел приставленный к стене заступ.

Заперев ворота на замок, он положил ключ в карман.

Вдруг он вздрогнул и остановился, уставившись на окна замка.

В одном из окон горел свет.

Его охватил такой страх, что он задрожал всем телом.

И тут внезапно вспомнил о зажженных им же самим и оставленных в комнате двух свечах.

Тогда он понял, какую совершил неосторожность.

Свет, который он увидел, могли увидеть и другие. А поскольку всем было известно, что замок необитаем, это могло вызвать всякие подозрения.

Поэтому господин Жерар скорым шагом направился к замку, по-прежнему отводя глаза от пруда. Быстро поднявшись по ступенькам крыльца, он взбежал по лестнице наверх.

Задув одну свечу, он собрался уже было задуть и другую, но тут сообразил, что ему придется в таком случае пройти по коридору и спуститься по лестнице в полной темноте.

До этого такая мысль ему и в голову не приходила, поскольку он был охвачен страхом, что кто-нибудь увидит в замке свет.

Страх опасности материальной прошел, но к нему вернулся страх перед опасностью нематериальной.

Чего было бояться господину Жерару в коридорах и на лестницах пустынного дома?

Того, чего боятся такие, столь мало похожие друг на друга люди, как дети и убийцы: призраков.

В темноте господин Жерар дрожал от того, что услышит, как кто-то идет позади него. Хотя он и не знал, кто это может быть.

Он боялся почувствовать, что кто-то потянет его за редингот, а он не будет знать, кто это.

Ему казалось, что за поворотом коридора его вдруг встретит какое-то привидение. Призрак ребенка или женщины.

Разве не произошли в этом проклятом доме два, а может, и три убийства?

Вот почему господин Жерар не стал гасить вторую свечу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.